К-во „СОТРУДНИЧЕСТВО“.

LIETUVIS.

СЪ ГЕРМАНІЕЙ
или
СЪ РОССІЕЙ?

БЛИЖАЙШІЯ СУДЬБЫ ПОЛЬШИ, УКРАИНЫ, ФИНЛЯНДІИ, ЛИТВЫ, БѢЛОРУССІИ, ЭСТОНІИ, ЛАТВІИ, КАВКАЗА, КРЫМА.

1918.

LIETUVIS.

СЪ ГЕРМАНІЕЙ
или
СЪ РОССІЕЙ?

БЛИЖАЙШІЯ СУДЬБЫ
ПОЛЬШИ, УКРАИНЫ,
ФИНЛЯНДІИ, ЛИТВЫ,
БѢЛОРУССІИ, ЭСТОНІИ,
ЛАТВІИ, КАВКАЗА,
КРЫМА.

ПЕТРОГРАДЪ—МОСКВА.
1918.

Первая Государственная типографія, Гатчинская, 26.

I. Распадъ Россіи.

По привычкѣ говорятъ объ «отторгнутыхъ» частяхъ, о «зарубежныхъ» областяхъ Россіи и имъ противопоставляютъ Россію не зарубежную, не отторгнутую, Россійскую республику, территоріально, впрочемъ, далеко еще не вполнѣ опредѣленную.

Но это лишь инерція словоупотребленія: старымъ привычнымъ словомъ покрываютъ новое понятіе, не имѣющее почти ничего общаго съ прежнимъ содержаніемъ слова.

Уже съ географической точки зрѣнія страна, отрѣзанная отъ Балтійскаго и Чернаго морей, отрѣзаемая отъ Тихаго и даже отъ надежнаго выхода въ Ледовитый океанъ, ничѣмъ не похожа на прежнее государство, нераздѣльно господствовавшее на Черномъ морѣ и въ сѣверной части Балтики: самъ Петръ Великій, творецъ Россіи, не узналъ бы въ нынѣшнихъ остаткахъ свое великодержавное наслѣдіе.

Могло бы успокаивать соображеніе, что хотя нѣтъ морей, но все же главная масса земли осталась въ предѣлахъ государства, унаслѣдовавшаго имя Россіи. Однако вопросъ о количествѣ населенія и тутъ заставляетъ задуматься: изъ 180 съ лишнимъ милліоновъ населенія Россіи около 80 милліоновъ уже оторвалось отъ нея, хотя процессъ распада еще не кончился; отъ живого государственнаго организма отрѣзана цѣлая треть его. Остался обрубокъ, мертвое туловище, нежизнеспособный калѣка; въ лучшемъ случаѣ—совершенно новый, по новому живущій организмъ. Значеніе количественной утраты населенія возрастаетъ въ виду того, что качественно составъ его значительно мѣняется. Вмѣсто вѣнка народностей—остается страна съ подавляющимъ великорусскимъ населеніемъ. Вмѣсто и такъ уже крайне убогой цифры 8 человѣкъ на квадратную версту, опредѣляющей плотность населенія прежней Россіи, остается страна съ 4 душами на кв. версту. Центръ населенія прежней Россіи, лежавшій близко къ западной границѣ, но все же

отдѣленный отъ нея доброю тысячью верстъ, теперь оказывается у самой границы, а центръ жизнедѣятельности новаго государственнаго организма перекочевываетъ куда-то на сѣверо-востокъ, за Волгу, быть можетъ даже за Уралъ.

Также опредѣленна экономическая характеристика, дающая нынѣ всюду совершенно новые признаки. Густота желѣзныхъ дорогъ, количество сбора хлѣбовъ на десятину и на душу, соотношеніе городского и сельскаго населенія, процентъ занятыхъ въ промышленности—все представляетъ новыя, незнакомыя величины и цифры, коренным образомъ отличающіяся отъ прежнихъ признаковъ экономическаго строя Россіи.

Но лучшее мѣрило—внѣшній міръ. Его отношеніе безжалостно-краснорѣчиво. Москва лишь по имени переняла отъ Петербурга титулъ столицы, политическаго центра Россіи. Если голосъ Петербурга являлся силой, если къ его рѣшеніямъ, къ заявленіямъ «съ береговъ Невы» весь міръ прислушивался до послѣднихъ дней съ величайшимъ вниманіемъ, то нынѣ съ Москвой никто не считается, и удѣльный вѣсъ москворѣцкихъ рѣшеній не многимъ больше рѣшеній Никарагуа и Гватемалы. Къ старушкѣ Москвѣ относятся съ пренебреженіемъ не только суровый Берлинъ и легкомысленная Вѣна, но и свободолюбивая Варшава, и древній Кіевъ, и интернаціональная Вильна, и даже только что оправившійся отъ разрухи Гельсингфорсъ, столица страны, все населеніе которой не многимъ превышаетъ населеніе одной только Москвы. И делегаты россійской власти вынуждены покорно путешествовать въ поискахъ мира по новымъ столицамъ безъ году недѣля существующихъ державъ.

И съ военной точки зрѣнія передъ нами встаетъ поразительная картина: страна, не защищенная отнынѣ ни естественными, ни искусственными рубежами, открытая въ моментъ мірового столкновенія нападенію со всѣхъ сторонъ—не имѣетъ, въ сущности говоря, ни одного солдата для охраны своей границы. Такой военной безпомощности не было еще никогда; съ самыхъ незапамятныхъ временъ, начиная съ призванія варяговъ, та или иная степень военной силы, этотъ основной признакъ государственной самостоятельности, былъ всегда на лицо. Ни татарское нашествіе, ни смутное время не знали такого состоянія, въ какомъ находится теперь Россія, еще недавно считавшаяся по своему военному могуществу одною изъ первыхъ

державъ въ мірѣ. Могутъ сказать, что передъ нами временное, скоропреходящее явленіе, своего рода государственный обморокъ, который пройдетъ и послѣ котораго страна попрежнему будетъ жить. Но обморокъ это или параличъ—несомнѣнно, онъ случился въ ту минуту, когда для спасенія нужно было величайшее напряженіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ. Въ часъ смертельной борьбы оружіе выпало изъ рукъ сѣвернаго великана... Но, кромѣ того, военная сила является выраженіемъ духовной мощи, воли къ жизни. И мы ясно видимъ—въ Россіи этой воли нѣтъ. Смертью русской арміи этотъ фактъ подтвержденъ непреложно.

И тутъ мы вплотную подошли къ самому основному вопросу. Армія—выраженіе воли, показатель психическаго напряженія массъ, поддерживающаго данное государственное образованіе. Здѣсь же мы видимъ полное отсутствіе этого напряженія. Нѣтъ психологіи борьбы за Россію, нѣтъ желанія защищать ее. Россія умерла духовно, умерла, какъ движущая идея. Ярче всего это сказалось въ территоріяхъ, занятыхъ противникомъ, который, въ сущности, не завоевываетъ, не покоряетъ Россію, не разрушаетъ ее: онъ «освобождаетъ». Въ Украину онъ пришелъ по зову соціалистовъ Кіевской Рады, и передъ отрядами австро-венгерцевъ шли украинскіе гайдамаки. Въ Финляндію германскія войска явились по просьбѣ народнаго правительства, и населеніе крупныхъ культурныхъ центровъ встрѣтило нѣмцевъ восторженно и, словно для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ когда-либо примиреніе Финляндіи съ Россіей, принялось избивать ненавистныхъ русскихъ гражданъ. Эстляндскія національныя войска, организованныя Россіей по самому демократическому принципу, разоружали замѣшкавшіеся при отступленіи русскіе отряды, а ландтаги Курляндіи, Эстляндіи, Лифляндіи и даже Леттаніи (многимъ ли знакомъ этотъ устарѣвшій географическій терминъ?) обсуждаютъ вопросъ объ отдѣленіи своихъ странъ навсегда отъ Россіи. Литва—торжественно объявляетъ и празднуетъ свою самостоятельность. Даже Бѣлоруссія шлетъ въ Берлинъ благодарность своимъ избавителямъ отъ русскаго ига. И на ряду съ реляціями о занятіи громадныхъ областей, богатѣйшихъ городовъ, крѣпостей—германское командованіе преподноситъ вѣрнымъ нѣмцамъ сообщенія о восторженныхъ

встрѣчахъ со стороны населенія, о всеобщей радости и благодарности, чѣмъ, конечно, значительно уменьшаетъ и такъ не большое количество охотниковъ выискивать въ побѣдахъ проявленіе «имперіализма правящихъ классовъ».

То же самое, въ сущности, творится и въ Великороссіи. Народная масса давно уже, съ перваго дня революціи, распалась на Курянъ, Пермяковъ, Вятичей и пр. Но и высшіе классы не выдѣлили изъ себя значительной группы патріотовъ Россіи. Не говоря о томъ, что Кентальцы и Циммервальдисты въ конечномъ счетѣ ничуть не лучше Курянъ и Вятичей, если прислушаться къ общимъ говорамъ, то въ моментъ гибели Россіи мы услышали бы наряду съ укоризнами Украинцамъ, упреками Финнамъ, злорадный сарказмъ и по отношенію къ самой Россіи: «Ага, достукалась, голубушка». Даже въ центрахъ культурной жизни, въ средѣ людей, многіе годы жившихъ общерусскими политическими интересами, болѣвшихъ и страдавшихъ за нихъ, проявилось шатаніе и даже измѣна общему дѣлу, и, можно сказать, на глазахъ рождаются украинофилы германской оріентаціи и самостійники всѣхъ народностей тамъ, гдѣ, казалось, жила яркая идея единства Россіи. Даже въ кругахъ либеральной буржуазіи, въ рядахъ партіи к.-д., мнящей себя цитаделью русской государственности, проявилось смущеніе; и когда члены общероссійской партіи вошли въ составъ самостійнаго украинскаго правительства, имѣющаго своей задачей оформить подъ высокимъ покровительствомъ центральныхъ имперій отдѣленіе Украины отъ Россіи, изъ центра осужденія не послѣдовало, ибо центральному комитету показались еще недостаточно ясными фактическія обстоятельства дѣла...

Часто пытаются искать утѣшенія, ссылаясь на то, что кризисъ русской власти и торжество большевизма препятствуютъ проявленію живой государственной идеи Россіи. Но, вѣроятно, болѣе законной была бы обратная постановка вопроса: не власть большевиковъ обусловливаетъ слабость проявленія идеи Россіи, а слабость идеи, бѣдность духовныхъ силъ, способныхъ служить прежней государственности въ ея широкомъ историческомъ значеніи, даетъ длительное торжество творцамъ Брестскаго мира. Задача возсозданія Россіи кажется такой трудной, сложной и непривлекательной, что нѣтъ охотниковъ взять

власть изъ слабыхъ рукъ, готовыхъ выпустить ее при малѣйшемъ толчкѣ. Во всякомъ случаѣ желаніе «спасать Россію», о чемъ столько говорятъ въ газетахъ, на митингахъ и собраніяхъ, ощущается гораздо слабѣе мелкихъ взаимныхъ уколовъ, партійныхъ недоразумѣній и мимолетныхъ обидъ. Азбучно-примитивная и безспорно ясная идея единаго національнаго фронта остается до сихъ поръ неосуществимой мечтой, и само обсужденіе этой идеи породило больше розни и недоразумѣній, чѣмъ партійныя перегородки, которыя ей надлежало устранить. Въ общемъ, «спасеніе Россіи» чаще является полемическимъ пріемомъ, красивой фразой и жестомъ, но не практической, направляющей, вдохновляющей идеей. И если большевистскую власть вполнѣ законно разсматривать, какъ своеобразную форму германской оккупаціи, то мы видимъ, что и на территоріи Великороссіи, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, оккупаціонныя власти встрѣчаютъ активное содѣйствіе все же довольно значительныхъ круговъ населенія и лишь пассивный, скорѣе теоретическій, чѣмъ дѣйствительный, протестъ.

Россіи нѣтъ. Она частью разрушена внѣшними ударами, частью распалась въ силу центробѣжныхъ стремленій и внутренняго духовнаго безсилія. Ея созидающая идея осталась безъ преемниковъ. Наслѣдіе общей государственной идеи надо дѣлить поровну, и Украина съ Кіевомъ имѣетъ на нее такія же права, какъ Великороссія съ Москвой или Польша съ Варшавой. И не приходится опасаться, что нынѣ вспыхнетъ борьба за это наслѣдіе: кому охота бороться за мертвую идею? А если идея оживетъ... О, тогда будетъ борьба, но не между наслѣдниками!..

Но воскрешеніе—въ будущемъ. Нынѣ же тревожные признаки смерти политической идеи Россіи такъ многочисленны, что ихъ нельзя ни замалчивать, ни затушевывать. Ихъ надо признать и осмыслить. Духовный распадъ Россіи, гибель ея идеи, отсутствіе мужественныхъ, стойкихъ защитниковъ и борцовъ тѣмъ болѣе знаменательно, что явленіе это никакъ нельзя признать случайной вспышкой скоропреходящихъ настроеній, вызванныхъ лишь катастрофическими событіями ближайшихъ дней.

Среди грѣховъ старой власти, безспорно, первое мѣсто занимаетъ націонализмъ въ смыслѣ признанія правъ граждан-

ства только за великорусской народной стихіей и отрицанія или стѣсненія примитивнѣйшихъ правъ всѣхъ другихъ національностей [1]). Исторія вообще знаетъ сравнительно немного примѣровъ поглощенія одной національности другой. Лишь подавляющая численность или несравненное превосходство культуры побѣдителей подчасъ приводило къ уничтоженію національныхъ особенностей побѣжденныхъ, но и то требовалось значительное время или примѣненіе средствъ, близкихъ къ поголовному истребленію. Нынѣ же все растущія средства культуры дали національнымъ стремленіямъ каждаго народа могущественное орудіе борьбы за свою самобытность, тѣмъ болѣе, что націи-побѣдители все болѣе вынуждены считаться съ основными правовыми принципами человѣческаго общежитія, и новая исторія не знаетъ ни одного примѣра полной денаціонализаціи даже сравнительно небольшихъ народовъ. Примѣръ Пруссіи, гдѣ громадная, интенсивно растущая, завоевывающая весь міръ культура нѣмецкаго народа не могла справиться съ горсточкой познанскихъ поляковъ, и гдѣ политика гакаты была позорно разбита стойкимъ и мужественнымъ сопротивленіемъ, ясно показываетъ современныя трудности денаціонализаторскихъ задачъ.

Въ Россіи великороссы составляютъ всего 46% населенія государства, при чемъ «инородческій» элементъ въ значительной своей части превосходитъ культурой господствующее въ Россіи племя. При этихъ условіяхъ и при исторически неизбѣжной демократизаціи управленія, призванія къ участію въ государственныхъ дѣлахъ все болѣе широкихъ круговъ населенія—ставить руссификаторскую задачу было бы проявленіемъ изумительной узости политическаго кругозора.

Но именно эту задачу ставила себѣ петербургская бюрократія [1]) и тѣ общественные круги, которые питали и поддерживали ее. Въ упорной систематической борьбѣ съ политической, правовой и культурной самобытностью Финляндіи, въ преслѣдованіи

[1]) Объ этомъ смотри «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ» подъ ред. А. И. Кастелянскаго. Ч. 2; подробнѣе: А. Л. Погодинъ. «Главныя теченія польской политической мысли» СПБ.; Романъ. Дмовскій, «Германія, Россія и Польскій вопросъ», Перев. въ изд. Карбасникова; «Украинскій вопросъ», изданіе журн. «Украинская жизнь». 1914 г.; М. Грушевскій. «Освобожденіе Россіи и украинскій вопросъ». Сборникъ статей. 1907; М. Руссобтовскій, «Историческое освѣщеніе Финляндскаго вопроса» 2 изданіе. 1912; Mich. Römer. «Litwa», Lwow, 1907; Leon Wasilewski. «Litwa i Białoruś», Krakow.

Польши, въ запрещеніи литовской, украинской и бѣлорусской письменности были неоднократно пройдены незыблемыя, естественныя грани примитивнаго культурнаго общежитія и правопорядка. Къ обрусѣнію это не привело. Это создало кучу историческихъ болѣе или менѣе забавныхъ анекдотовъ, въ родѣ страхованія финскихъ газетъ отъ цензурныхъ бѣдствій, исполненія въ Кіевѣ украинскихъ пѣсенъ на французскомъ языкѣ, къ печатанію научно-популярныхъ брошюръ въ беллетристической формѣ и пр. и пр. Это привело къ катастрофическому пониженію культуры руссифицируемыхъ областей: Польша, Литва, Украина, не имѣющія возможности учить дѣтей въ соотвѣтствіи съ окружающей ихъ народной стихіей, показали паденіе или значительную отсталость примитивной грамотности, не говоря о высшихъ формахъ просвѣщенія. Тутъ уже была большая потеря въ духовныхъ богатствахъ всего государства. Но еще большая потеря была въ томъ, что живой, творящій духъ народовъ былъ растраченъ на борьбу съ мелочными придирками, приниженъ въ вынужденномъ подпольномъ существованіи, сдѣлался подозрительнымъ, ненавидящимъ, недовѣрчивымъ. Самое сильное, стойкое, упорное и цѣнное—вмѣсто работы на благо страны—ушло за предѣлы Россіи. Всѣ народы, во имя своихъ святѣйшихъ интересовъ, вынуждены были создать свои Пьемонты за рубежомъ Россіи. Духовный огонь Польши горѣлъ въ австрійскомъ Краковѣ, украинцы жили своимъ Львовомъ, литовцы печатали книги и закладывали фундаментъ національнаго пробужденія въ Восточной Пруссіи, Финляндія имѣла свои очаги въ Швеціи.

Это не было сепаратизмомъ. Это было жизненной необходимостью. При первой возможности всѣ готовы были перенести свои національные ковчеги въ Россію. Ждали этой возможности, тѣшили себя несбыточными мечтами, создавали наивныя иллюзіи. Одной изъ такихъ иллюзій была вѣра въ Николая II при его вступленіи на тронъ. И пылкая Варшава и холодная Финляндія съ восторженной вѣрой встрѣтили воцареніе молодого монарха, во всемъ выискивая признаки долгожданной перемѣны политическаго курса власти. Но Бобриковъ и манифестъ 1899 года въ Финляндіи, Чертковъ въ Царствѣ Польскомъ явились достаточно яркимъ доказательствомъ, что надежды напрасны, все остается по старому, для соглашенія, «угоды» никакихъ предпосылокъ нѣтъ.

1905 годъ далъ новую пищу иллюзіямъ. Пріостановка антиконституціонныхъ основныхъ положеній манифеста 1899 г. и созывъ Сейма на основѣ всеобщаго избирательнаго права въ Финляндіи, отмѣна законовъ о воспрещеніи литовской, украинской и бѣлорусской письменности, нѣкоторыя облегченія въ Польшѣ, возможность созданія обществъ и союзовъ, открытое существованіе партій—дали возможность говорить о рѣшительномъ переломѣ въ политикѣ власти. Свободно сформулированныя національныя программы нигдѣ не шли дальше автономіи, которая въ конечномъ счетѣ сводилась не столько къ національному, какъ къ культурно-хозяйственному моменту, была протестомъ не столько противъ националистической политики правительства, какъ противъ гнетущей централизаціи управленія страной. Это не было стремленіемъ къ разложенію, къ распаду Россіи, а лишь необходимымъ шагомъ къ перестройкѣ всего устарѣвшаго аппарата власти. Націи заботились не о томъ, чтобы выхватить себѣ отъ Россіи ту или иную долю свободы, но о томъ, чтобы реформировать всю Россію, перестроить ее. Въ требованіяхъ украинцевъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и даже отчасти, хотя въ меньшей степени, въ требованіяхъ поляковъ и финовъ звучитъ не только забота о себѣ, но и о всемъ государствѣ въ его цѣломъ. Конечная цѣль—перестройка Россіи на федеративныхъ началахъ, ближайшая задача—автономія всѣхъ входящихъ въ Россію частей. И здѣсь голоса «инородцевъ», требовавшихъ національно-территоріальной автономіи, нераздѣльно сливались съ аналогичными требованіями великороссовъ-областниковъ: жалобы, напр., сибиряковъ на гнетъ и несправедливость и неумѣлость центральной власти мало чѣмъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ заявленій западныхъ окраинъ Россіи. Не ослабленіе, а усиленіе Россіи было мотивомъ этихъ требованій. Такъ это было понято и учтено даже историческими противниками Россіи—вспомнимъ, какую тревогу испытали въ Австріи при извѣстіи, что Грушевскій появился въ украинской фракціи первой Государственной Думы, или безпокойство Берлина при слухахъ о введеніи автономіи въ Царствѣ Польскомъ.

«Ликвидація дней свободы» послѣ акта 3 іюня принесла крутой поворотъ и въ области національной политики. Это не было даже простымъ возвращеніемъ къ старому. До Столыпина

обрусительная политика, въ конечномъ счетѣ, не была сознательнымъ планомъ, системой. Часто это было только самодурствомъ, часто лишь проявленіемъ лѣни вникнуть въ сложность мѣстной народной жизни, и годы особенно суроваго гнета смѣнялись годами «передышки», и милость, благоволеніе замѣняли суровость и гнѣвъ. Въ конституціонное же время націонализмъ явился какъ стройная идеологическая основа всей проводимой политики, одинъ изъ главныхъ устоевъ «ставки на сильнаго», необходимая предпосылка «Великой Россіи» въ ново-бюрократическомъ ея пониманіи. Конечно, несоразмѣрность поставленной политической задачи съ силами государственной власти привела къ тому, что политика подавленія народностей проводилась не всегда послѣдовательно. Но не было ни одной національности, которая не испытала бы оскорбленій отъ новой системы правительственной власти. Поляки—были объявлены гражданами второго сорта при значительномъ сокращеніи ихъ представительства въ Государственной Думѣ, и ихъ наискромнѣйшія чаянія—школьный законопроектъ—не получилъ никакого движенія. Финляндской конституціи былъ нанесенъ потрясающій ударъ. Украинское національное культурное движеніе было объявлено «несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ» (циркуляръ Столыпина 10 января 1910 года). Литва и Прибалтійскій край усиленно руссифицировались при помощи колонизаціи. Этотъ твердый, рѣшительный, неуклонной волей направляемый правительственный курсъ внушалъ тѣмъ большую тревогу, что правительство дѣйствовало не одиноко. Въ прежнее время угнетенныя народности могли связывать свои обиды только съ политикой правительства, только съ тѣми худшими элементами и представителями чиновничества, которые наводняли окраины. Теперь же они могли воочію убѣдиться, что правительство находитъ опору въ весьма широкихъ и вліятельныхъ кругахъ русской общественности. Громадное большинство Думы высказывалось за всѣ обрусительныя предложенія власти. И какъ разъ буржуазные, умѣренные элементы другихъ странъ, болѣе всего готовые итти на примиреніе, на «угоду» съ русской правительственной властью, должны были особенно болѣзненно чувствовать такое отношеніе къ національнымъ вопросамъ со стороны созвучныхъ имъ по соціальнымъ интересамъ буржуазныхъ классовъ Россіи.

Но и въ демократическихъ и либеральныхъ кругахъ общественности политика правительства не всегда встрѣчала достаточный протестъ. Призывы П. Б. Струве къ безпощадной идейной борьбѣ съ украинствомъ звучали предостерегающе для тѣхъ, кто хотѣлъ бы связывать національныя надежды съ побѣдами русской общественности. Позиція Родичева и Милюкова въ Государственной Думѣ по отношенію къ украинцамъ—«освободите и ихъ не будетъ»—тоже казалась отзвукомъ модернизированнаго національизма. Партія к.-д. сумѣла довести дѣло до открытаго разрыва съ польскимъ коло. Между тѣмъ руководящіе круги Польши и Финляндіи, въ силу своихъ классовыхъ симпатій, мало были склонны связывать какія бы то ни было надежды съ ростомъ вліянія болѣе лѣвой части русской общественности, видя въ ней только проявленіе пугающаго ихъ и безпокоющаго анархизма, заразу русскаго самобытнаго соціализма.

Русскимъ трудно даже понять тѣ острыя чувства, которыя вызывалъ новый курсъ правительственной власти. Были поставлены подъ ударъ историческія традиціи, духовныя цѣнности, и грубо оскорблялись права личности, любовь къ своему родному языку, привязанность къ своей духовной стихіи. Съ крайней остротой сказывались и чисто экономическія послѣдствія. Для борьбы за экономическое процвѣтаніе нуженъ подъемъ культуры, нужно распространеніе знанія, нужна хотя бы примитивная грамотность, Но это благо было недоступно для поляковъ, украинцевъ, литовцевъ. Русская школа, съ насильственнымъ и противоестественнымъ преподаваніемъ русскаго языка, или приводила къ полному опустѣнію школъ или не давала никакихъ результатовъ, такъ какъ поверхностное знаніе русской грамоты улетучивалось въ стихіи другого языка, къ которому школа безуспѣшно пыталась внушить пренебреженіе, какъ къ языку низшаго сорта [1]). Частная инициатива?—Но судьба

[1]) О значеніи русской школы на окраинахъ можно судить по даннымъ относительно губерній сѣверо-западнаго края, гдѣ число грамотныхъ обратно пропорціонально числу учащихся въ школахъ. Въ 1911 году число дѣтей школьнаго возраста (9—11 лѣтъ), посѣщающихъ школу было на 1.000 жителей въ Могилевской губ. 52, въ Гродненской - 44, въ Виленской—28, въ Ковенской—18, а процентъ грамотныхъ въ Могилевской губ.—17,0, въ Гродненской—29,1, въ Виленской—29,3, въ Ковенской—42,1. Цифры эти показываютъ, что въ губерніяхъ, гдѣ населеніе сумѣло сорганизовать и ввести въ повседневный бытъ домашнюю нелегальную школу, процентъ грамотности сравнительно высокъ, тамъ же, гдѣ населеніе довольствовалось правительственной школой - грамотность падаетъ поистинѣ катастрофически. (Leon Wasilewski, стр. 147).

польской Матицы показала, что широкое развитіе частной иниціативы допущено не будетъ. Оставался послѣдній путь—негласное, подпольное ученіе. И если для русскаго сравненіе производительности десятины земли заграницей и въ Россіи ставило на очередь лишь задачу большаго распространенія знаній, то полякъ, литовецъ, украинецъ при этомъ сжималъ зубы, понимая, сколько препятствій съ перваго шага онъ встрѣтитъ со стороны руссифицирующей политики власти.

Кромѣ того, естественнымъ послѣдствіемъ націоналистической политики явилась необходимость придерживаться прежней централизаціи правительственнаго аппарата, не выдерживающаго никакой критики съ точки зрѣнія хозяйственно-дѣловой. Даже земства не могли быть распространены на наиболѣе важныя области государства. И слабая, бездарная, необразованная и даже не воспитанная петербургская бюрократія вынуждена была безпомощно барахтаться въ небывалой и невыполнимой задачѣ—управлять изъ одного центра 150-ти-милліоннымъ человѣческимъ образованіемъ, раскинувшимся по $^1/_6$ части суши всего міра. Тяжелыя финансовыя, экономическія и культурныя послѣдствія этого сказывались съ особенной силой тамъ, гдѣ рядомъ находились цвѣтущія области Германіи, гдѣ западная культура непосредственно сталкивалась съ Россіей и глохла подъ воздѣйствіемъ неумѣлаго, громоздкаго, допотопнаго бюрократическаго механизма.

Однако, стихійное довѣріе къ Россіи и выдержка закаленныхъ въ несчастіяхъ государственныхъ дѣятелей сдерживала негодованіе. Идея иной Россіи, служащей не только кучкѣ чиновниковъ, а всему цѣлому, Россіи свободной и въ свободѣ могучей,—оставалась и живой и дѣйственной. Дальше требованій автономіи вліятельные общественные дѣятели Польши, Украины, Литвы не шли, несмотря на провокацію власти. Но выдержка питалась и тѣми соображеніями, что отторженіе отъ Россіи, не говоря объ опасности и нежелательности по экономическимъ и даже національнымъ соображеніямъ, была просто невозможной. Это былъ уже только трезвый расчетъ, настолько трезвый, что, не выставляя лозунга отдѣленія отъ Россіи, украинцы въ своей программѣ признавали нежелательнымъ соединеніе съ Россіей Галиціи, такъ какъ тогда исчезнетъ возможность имѣть зарубежный очагъ украинской культуры, безопасный отъ само-

дурства русской администраціи. Куда бы дѣлось тогда «Общество имени Шевченко», основанное украинскими патріотами, перекочевавшими подъ вліяніемъ репрессій изъ Кіева во Львовъ? Да и поляки не остались бы, пожалуй, довольны безусловнымъ присоединеніемъ къ Царству Польскому Кракова съ его національными хранилищами. Литовцы тоже поколебались бы дать согласіе на присоединеніе литовскаго уголка Восточной Пруссіи—вѣдь не было никакихъ гарантій, что запрещеніе латинскаго шрифта или другая тому подобная мѣра опять не явится на сцену, и культурная жизнь литовскаго народа будетъ организовываться въ порядкѣ широкой и планомѣрной контрабанды.

Начавшаяся война поставила всѣ вопросы въ новомъ трагическомъ освѣщеніи. Стихійная вѣра въ Россію на первыхъ порахъ побѣдила недовѣріе къ правящимъ кругамъ. Предчувствіе грозныхъ измѣненій въ судьбахъ всѣхъ народовъ заставило ихъ тѣснѣе прижаться къ общему единству. Первыя слова власти способствовали этому. Но за рубежомъ война была принята иначе, и суровымъ приговоромъ всей системѣ русской власти явилось то, что въ Царство Польское вошли польскіе легіоны, организованные подъ сѣнью Австріи, что среди плѣнныхъ украинцевъ противникъ находилъ готовую почву для пропаганды. Довѣрія къ Россіи хватило на первый подъемъ. Но его оказалось недостаточнымъ для величайшаго и длительнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ. Работа Бобринскихъ въ Галиціи, неопредѣленность и отмалчиваніе по отношенію къ полякамъ, упорное молчаніе относительно литовцевъ, преслѣдованіе украинской печати—все это далеко не способствовало созданію того длительнаго энтузіазма, который единственно позволилъ бы Россіи справиться съ трудностями организаціи небывалой борьбы, который превратилъ бы въ дѣйствительную силу тѣ колоссальныя возможности, которыми Россія обладала. Офиціальныя заявленія объ освободительныхъ цѣляхъ войны казались ироніей на фонѣ пренебреженія къ самымъ основнымъ и священнымъ правамъ націй внутри Россіи.

И для русскаго народа, для массъ, развращенныхъ политикой власти, подлинный ликъ Россіи, освѣщенный войной, явился ноожиданнымъ и незнакомымъ. Поляки, которые въ офиціальной исторіи и во всей дѣятельности правительства неизмѣнно представлялись въ качествѣ тайныхъ и явныхъ вра-

говъ Россіи, вдругъ оказались «братьями-поляками». Поля сраженія въ предѣлахъ Россійскаго государства оказались украинскими, польскими, литовскими, латышскими, армянскими... Защищая Литву, Польшу, Латвію, солдатъ невольно думалъ: нужно ли это Россіи, съ именемъ которой онъ привыкъ связывать представленіе чисто великорусской страны. Упрощенное офиціальное пониманіе Россіи оказалось недостаточнымъ, не покрывающимъ историческое существо борьбы за Россію. Въ бояхъ подъ Варшавой, подъ Вильной, подъ Митавой идея подлинной Россіи, связующей и свободно объединяющей всѣ ея народы, стала витать надъ русской арміей. Но неизмѣнность правительственнаго курса не дала этой идеѣ развиться со всей необходимой полнотой и яркостью. И русскій солдатъ, убѣдившись въ ложности прежняго представленія о Россіи и не обрѣтя новаго, совершенно потерялъ идею борьбы. Онъ просто пересталъ быть русскимъ, превратился въ «вятича» и «курянина». И вмѣстѣ съ этимъ превращеніемъ война для него была окончена.

Не было воли. Армія росла количественно, но все понижалась качественно, пока, наконецъ, пораженія, созданныя бездарностью русской власти и русскаго военнаго командованія, не привели армію къ возстанію, и власть перешла въ руки русской общественности.

Въ невыразимо тяжкихъ условіяхъ народнаго возстанія и военнаго развала Россіи суждено было видѣть послѣднюю вспышку довѣрія къ ней со стороны связанныхъ общей судьбою народовъ. Украинцами былъ провозглашенъ вѣчный покой австрійской оріентаціи, и арестъ въ оккупированномъ Царствѣ Польскомъ вождя польскихъ легіоновъ Пилсудскаго показывалъ, что народы предпочли бы связывать свою судьбу съ свободой Россіи, чѣмъ съ побѣдами Германіи.

Но вспышка быстро погасла. Наслѣдіе старой власти заключалось не только въ матеріальномъ разстройствѣ, но и въ истощеніи запаса духовныхъ силъ. Прогрессивная русская общественность, выдвинутая къ власти, оказалась неспособной справиться съ трудными обстоятельствами внѣшней и внутренней борьбы. Завѣдываніе земскими дѣлами въ предѣлахъ уѣзда или губерніи, редактированіе журналовъ и газетъ не дали опыта, необходимаго для управленія 180-ти-милліонной страной. Необходимость въ прежнее время бороться за азы современнаго

конституціоннаго права лишило возможности поставить и подготовить новое, истинно-государственное разрѣшеніе національныхъ проблемъ Россіи. Но естественная неумѣлость справиться съ трудностями организаціи на новыхъ принципахъ новой власти воспринималась, какъ злонамѣренное затягиваніе удовлетворенія насущныхъ національныхъ требованій. Тѣмъ болѣе, что руководители національныхъ движеній, часто только что вышедшіе изъ подполья, отнюдь не превосходили представителей русской новой власти ни широтой государственнаго масштаба, ни опытностью въ широкой общественной дѣятельности.

Уже за время русской конституціи руководители народныхъ движеній успѣли убѣдиться, что правительственный національізмъ не является чисто бюрократической идеей, и что онъ питается соотвѣтствующими настроеніями вліятельныхъ общественныхъ круговъ Россіи. Поэтому было естественно, что однимъ словамъ, какъ бы они ни были благожелательны, не было вѣры. Хотѣли реальнаго осуществленія обѣщаній, хотѣли и требовали гарантій, не всегда считаясь съ трудностями внѣшняго и внутренняго положенія Россіи. Требованія автономіи неслись отовсюду, составляя одно изъ наиболѣе роковыхъ проявленій всеобщаго и всемѣстнаго максимализма. Никто не хотѣлъ ждать. И если солдаты требовали отъ власти, чтобы по телеграфу былъ заключенъ миръ, то также «по телеграфу», въ 24 часа, требовали введенія автономіи на Украинѣ, учрежденія «Штата Эсти», признанія Латышской республики. Настойчивость требованій росла параллельно съ затрудненіями власти, съ разстройствомъ транспорта, гибелью промышленности, недостатками продовольствія. На мѣстахъ невольно думалось, что немедленная автономія, освобожденіе отъ ига централизма не путемъ перестройки, а путемъ разрушенія стараго аппарата власти можетъ спасти дѣло, и тутъ выдѣленіе голубой Украины уже ничѣмъ не отличалось отъ красной Красноярской или Шлиссельбургской республики. Не было проявлено достаточной терпѣливости и въ вопросѣ о гарантіяхъ, каковымъ явился вопросъ о національныхъ войскахъ. Съ политической точки зрѣнія новая власть не имѣла никакихъ возраженій противъ организаціи войскъ по національному принципу, при условіи, конечно, сохраненія единства системы и командованія. Но съ военно-технической стороны такая коренная

перестройка арміи, перемѣшиваніе командного состава, переброска частей съ одного фронта на другой, казалась совершенно невозможной. Вѣдь и такъ механизмъ войсковой жизни пришелъ въ крайнее разстройство; оперативныя перевозки не выполнялись къ сроку, и войска, въ сущности, уже не перевозились, а просачивались по желѣзнымъ дорогамъ. Формированіе третьихъ дивизій, эта злосчастная идея ставки, ослабила въ организаціонномъ отношеніи нашу армію настолько, что ея боеспособность, независимо отъ всѣхъ другихъ условій, была весьма проблематичной. Тутъ же приходилось предпринять новую, еще болѣе радикальную и коренную, перестройку. Поэтому, хотя національныя части—украинскія, латышскія, польскія—оказались прекрасными во всѣхъ отношеніяхъ, но все же высшія военныя власти не могли не стараться задерживать перестройку арміи хотя бы въ теченіе лѣтней кампаніи. На этой почвѣ создались печальныя недоразумѣнія. Больная психологія національныхъ вождей готова была видѣть въ медлительности выполненія ихъ пожеланій несогласіе по существу, и они не останавливались даже передъ самочинными мѣрами, передъ хозяйничаніемъ въ арміи, не считаясь съ высшимъ военнымъ управленіемъ. Это въ свою очередь глубоко огорчало представителей центральной власти: хотѣлось въ минуту внѣшней невзгоды встрѣтить нѣсколько больше «самоотверженія» со стороны народовъ Россіи. Выдвигать на первый планъ если не «постылые», то во всякомъ случаѣ далекіе вопросы украинской и бѣлорусской автономіи казалось преступленіемъ передъ насущными задачами міровой борьбы. И хотя въ принципѣ, въ существѣ дѣла, разногласій не было, хотя не было и рѣчи объ отказѣ или объ ограниченіи демократическаго принципа самоопредѣленія народовъ, но изъ-за «порядка дня», изъ-за оцѣнки удѣльнаго вѣса того или иного вопроса недоразумѣнія все накапливались, затрудненія увеличивались, центробѣжныя силы росли.

Но вотъ государственная власть захлестнута волной народнаго безсмысленнаго возстанія. Начались небывалые эксперименты въ центрѣ, и всему міру стало яснымъ, что государству грозитъ величайшая опасность. Сговориться было не съ кѣмъ, задерживать центробѣжныя силы было некому. Съ паденіемъ Керенскаго, можно сказать, единство Россіи разруши-

лось. Она распалась на свои составныя части. Ощущеніе гибели государственнаго организма заглушало голоса благоразумія и историческаго предвидѣнія. Быть можетъ, Россія нужна, но ея нѣтъ, она гибнетъ, она лишь послѣдніе дни носится, какъ корабль безъ руля и безъ вѣтрилъ, по бурному морю военныхъ опасностей и народной смуты...

«Спасайся, кто можетъ»...

Стремленіе освободиться отъ страшной опасности совмѣстнаго существованія съ гибнущимъ колоссомъ, съ низвергающейся великой державой, желаніе во что бы то ни стало освободиться отъ опеки и воздѣйствія дикихъ экспериментовъ и принудительной соціализаціи новой власти, которая была, пожалуй, страшнѣе прежней руссификаціи—все это привело къ тому, что въ минуту гибели Россіи, народы, жившіе подъ ея сѣнью, почувствовали облегченіе и успокоеніе. Настоящее было такъ грозно и нестерпимо, что всякая перемѣна казалась къ лучшему.

И едва ли имѣются надежды, что это ощущеніе уже смѣняется сожалѣніемъ о Россіи. Съ этимъ именемъ, хотя неправильно, но упорно, связываютъ преимущественно Великороссію. Но если мы читаемъ, что «зарубежнымъ» живется не сладко, то зарубежные, въ свою очередь, ежедневно читаютъ еще большіе и не менѣе правдивые ужасы о бытіи въ оставшейся части Россіи. При этихъ условіяхъ едва ли можетъ пользоваться особой популярностью мысль о возвращеніи въ прежнее лоно. На западъ, а не на востокъ направлены нынѣ всѣ взоры. И это создаетъ невѣроятно благопріятную обстановку для творческой работы противника. Онъ одинъ является организующей силой, созидающей идеей въ этомъ хаосѣ, изъ котораго должны создаться новые государственные организмы. Всѣ народы считаются нынѣ съ двумя данными: съ собственными силами и съ волей Германіи. Россія мертва. Мертва, какъ власть, какъ сила и какъ идея.

II. Внѣ Россіи.

I. Принципъ «одна нація—одно государство».

Итакъ—Россіи нѣтъ. Страница всемірной исторіи перевернулась, и въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ мы болѣе не находимъ знакомаго имени. Оно исчезло. Надолго ли? Но объ

этомъ—послѣ. Теперь же зададимъ себѣ вопросъ, что станется съ народами, составлявшими нѣкогда Россію.

Первымъ отвѣтомъ является: осуществленіе максимума національныхъ желаній—полная государственная обособленность и самостоятельность. Правда, не всѣ народы подчеркиваютъ подобное желаніе, не всѣ одинаково ясно формулировали максимумъ своихъ требованій. Но не станемъ разбираться въ ворохахъ газетныхъ замѣтокъ и информацій, количество которыхъ значительно превышаетъ качество, и сенсаціонность подавила достовѣрность. Будемъ разбирать вопросъ теоретически, какъ если бы всѣ народы не только стремились, но и достигли максимума своихъ національныхъ желаній. Полное самоопредѣленіе народовъ, на радость вдохновителей этой формулы, стало явью и привело къ осуществленію другого принципа—«одна нація—одно государство». Вмѣсто Россіи—добрая полудюжина государствъ въ полосѣ, оккупированной въ настоящее время германцами, и, быть можетъ, столько же въ остальной Россіи. Такое предположеніе и способъ разсмотрѣнія тѣмъ болѣе законенъ, что этимъ путемъ мы опредѣлимъ свойства, тенденціи и динамику отдѣльныхъ неразложимыхъ частей, того матеріала, тѣхъ основныхъ единицъ, изъ которыхъ будетъ создаваться та или иная политическая карта восточной Европы. Зная эти части—легко судить о свойствахъ и силѣ всевозможныхъ сочетаній и группировокъ изъ нихъ.

Уже первый взглядъ на политическую карту при государственной обособленности всѣхъ народовъ заставляетъ нѣсколько призадуматься. Даже чисто географическія соображенія говорятъ объ искусственности новыхъ дѣленій. Вотъ бассейнъ рѣки Днѣпра—онъ теперь раздѣленъ между тремя государствами. Вотъ Латвія, съ прекрасными портовыми городами—но она отрѣзана отъ своего Hinterland'а. Вотъ Литва, не имѣющая удобнаго выхода въ море. А что сталось съ дорогами? Для того, чтобы проѣхать изъ Ревеля въ Одессу, надо исколесить территорію пяти государствъ. Историческій путь «изъ Варягъ въ Греки» разсѣченъ поперекъ тремя государственными границами. Вотъ все еще громадная Великороссія или Московія, расположенная по бассейну рѣки Волги, впадающей въ соленое озеро Каспій, и по бассейну сѣв. Двины, впадающей въ Бѣлое море, замерзшее большую часть года. Желѣзо Урала отрѣзано отъ

каменнаго угля Дона... Какое поле дѣятельности для дипломатовъ новыхъ государствъ—вѣдь одно регулированіе рѣчного хозяйства Днѣпра потребуетъ усиленныхъ сношеній министерствъ иностранныхъ дѣлъ трехъ государствъ. Какой просторъ экономистамъ: прежніе вопросы, рѣшавшіеся однимъ вѣдомствомъ, теперь потребуютъ согласованія таможенной политики полдюжины государствъ. Какая сложная игра тарифами. И, last not least, сколько радости коллекціонерамъ почтовыхъ марокъ!..

Но, не справившіеся съ прежними громадными широкими просторами, не станемъ вспоминать о прошломъ. Будемъ разсматривать каждую часть отдѣльно. Какъ будутъ существовать, въ какихъ условіяхъ будутъ жить новые герои всемірной исторіи, какими рессурсами они будутъ располагать, какія задачи встанутъ передъ ними, какими средствами будутъ они обладать для достиженія поставленныхъ задачъ и цѣлей, какихъ враговъ, какія опасности можно предвидѣть, и какіе способы обороны будутъ налицо?

И достаточно поставить такой вопросъ, какъ натыкаемся на поразительный фактъ: для его рѣшенія нѣтъ почти никакихъ матеріаловъ. Въ то время, какъ любой разсудительный человѣкъ, открывающій мелочную лавку, такъ или иначе подсчитаетъ свои средства и предстоящіе расходы, постарается заранѣе обезпечить кредитъ, взвѣсить возможность прибылей или убытковъ; въ то время, какъ образованіе акціонернаго общества съ капиталомъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей создаетъ уже цѣлую литературу записокъ, соображеній, объявленій, подсчетовъ, иначе никто не вложитъ въ предпріятіе ломанаго гроша,—въ это время новыя государства образуются почти безъ всякихъ плановъ и подсчетовъ. А, между тѣмъ, рѣшается судьба милліоновъ людей! Правда, Финляндія была и прежде во многихъ отношеніяхъ самостоятельной; Польша поставила вопросъ о своей независимости съ начала войны и имѣетъ кое какой наспѣхъ собранный матеріалъ, подсчитала свои рессурсы для того, чтобы судить о возможности своего обособленнаго существованія. Литва же, Бѣлоруссія, Украина, Кавказъ столкнулись съ вопросомъ о своей самостоятельности внѣ всякаго предвидѣнія политическихъ дѣятелей, руководящихъ ихъ общественной жизнью. И съ перваго дня существованія новыхъ государствъ передъ ними неизбѣжно возникнетъ рядъ непредви-

дѣнныхъ трудностей, начиная съ проведенія государственной границы, кончая обезпеченіемъ ея отъ покушеній извнѣ.

Этническій принципъ, принадлежность къ націи, «родной языкъ» по терминологіи нашей переписи будетъ лежать въ основѣ новаго раздѣленія на государства. Но прикинута ли эта мѣрка къ вновь образуемымъ политическимъ организмамъ? Даетъ ли она точныя, практически удовлетворительныя данныя для установленія государственной границы? Вѣдь этническій составъ, растущій въ предѣлахъ одного государства,—вещь текущая, мѣняющаяся съ каждымъ днемъ. Способны ли быстро мѣняющіяся, неустановившіяся этническія границы въ данный моментъ застыть и превратиться въ окаменѣлую границу государствъ? Не придется ли вносить экономическихъ, политическихъ, географическихъ и даже, наконецъ, историческихъ коррективовъ въ принципъ размежеванія по націямъ, и какой ущербъ эти коррективы принесутъ началу «одна нація—одно государство»? Не забудемъ, что народамъ предстоитъ размежеваться на протяженіи свыше 10.000 верстъ. Сколько споровъ, распрей и тяжбъ возникнетъ! Объ этомъ можно судить по недавнему примѣру выдѣленія Холмской губерніи, гдѣ проведеніе тоже по принципу національности, всего 200 верстъ границы—не государственной, а только губернской—вызвало громадную литературу, на трехъ языкахъ, при чемъ въ конечномъ результатѣ вопросъ такъ и не получилъ удовлетворительнаго рѣшенія. Мы видѣли, какими хрупкими оказывались въ пылу политическихъ страстей почтенные столбцы статистическихъ выкладокъ, какъ въ исторіи каждая сторона находила доводы въ свою пользу. Правда, не былъ примѣненъ наиболѣе демократическій принципъ плебисцита. Но вѣдь и онъ не рѣшитъ дѣла, такъ какъ не всегда легко будетъ достигнуть соглашенія относительно той административной единицы, по которой будетъ отбираться большинство голосовъ, а всякій искушенный въ этихъ вопросахъ знаетъ, что часто при голосованіи по волостямъ получается одна картина, при голосованіи по уѣздамъ—совершенно иная.

Но далѣе, если той или иной цѣной удалось провести границы и со всѣхъ сторонъ отгородить новыя государственныя образованія, то спрашивается, какъ сложатся внутри новыхъ перегородокъ экономическія отношенія. Надо помнить, что за

сто лѣтъ существованія въ одной государственной системѣ, экономическія взаимоотношенія не считались съ этническимъ моментомъ и расширялись во всѣ стороны, повинуясь естественно-хозяйственнымъ велѣніямъ, перепутывая всѣ народы, связывая ихъ общностью интересовъ, общими организаціями, общими предпріятіями, общимъ товаро-обмѣномъ. Не говоря уже о такихъ центрахъ, какъ Петербургъ или Москва, вспомнимъ, что Вильна—политическій и экономическій центръ не Бѣлоруссіи и не Литвы, а всего сѣверо-западнаго края, не имѣющаго единой этнической основы. Вліяніе Риги сказывалось не только въ Латвіи, но и въ Литвѣ и въ Эстляндіи. Теперь каждому государству придется эти связи распутать, кое-что развязать, кое-что разорвать; многіе экономическіе вопросы изъ частно-правовой сферы перенести въ гораздо менѣе приспособленную сферу международно-правовую, многія же отрасли хозяйственной жизни уничтожить совсѣмъ. Учтенъ-ли объемъ этой работы, учтены ли прибыли и убытки отъ такого кромсанія исторически сросшихся частей?

Далѣе, наступитъ первое 20-ое число послѣ дня образованія новой государственной власти. Чиновники, даже наибольшіе патріоты—все же любятъ, чтобы имъ во-время уплачивали жалованіе. Недаромъ въ прежней Россіи патріотизмъ былъ прямо пропорціоналенъ размѣру жалованія. Новые чиновники будутъ, конечно, иначе настроены. Но все же не мѣшаетъ позаботиться и о томъ, чтобы имъ, равно какъ всей массѣ учителей, милиціонеровъ и пр., было аккуратно выплачиваемо жалованіе—вѣдь не для того взята свобода, чтобы сразу стать на положеніе Турціи или Персіи, гдѣ никого не удивляетъ и не смущаетъ, если чиновники, безъ всякаго ущерба для своего благосостоянія, по цѣлымъ полугодіямъ не получаютъ отъ казны ни копѣйки. Но въ новомъ государствѣ казны еще нѣтъ. Министръ Финансовъ обладаетъ только своимъ собственнымъ, въ большинствѣ случаевъ пустымъ кошелькомъ. Выпускать бумажки? Но чѣмъ обезпечить? Золота нѣтъ ни у кого. Естественныя богатства еще нуждаются въ разработкѣ. Вѣдь даже наиболѣе богатая Украина не нашла лучшаго обезпеченія, чѣмъ сахаръ, и хотѣла выпустить, а можетъ быть и выпустила деньги подъ обезпеченіе этимъ тающимъ и съѣдобнымъ фондомъ. Но даже сахаръ имѣется не у всѣхъ. И кое-кому на пути обезпеченія

денегъ естественными продуктами пожалуй придется прибѣгнуть къ сушенымъ грибамъ, собираемымъ по болотамъ, къ запасамъ голландскаго сыра, при чемъ организація мышеловокъ для обезпеченія фонда вошла бы одной изъ основныхъ заботъ въ сферу вѣдѣнія новаго министра финансовъ. Иностранный кредитъ? Но кто рѣшится дать деньги новымъ хрупкимъ образованіямъ? Тѣмъ болѣе, что источникъ денегъ будетъ крайне ограниченъ—пожалуй, лишь англо-саксонскій міръ будетъ въ состояніи вначалѣ оказывать кредитъ другимъ государствамъ. Всѣ же остальные, въ томъ числѣ и Германія, сами будутъ нуждаться въ кредитѣ и будутъ въ состояніи предоставить лишь жалкіе крохи, да и то не безплатно, а потребуютъ компенсацій. Какихъ?

Но даже если эти трудности преодолѣны, то встаетъ наиболѣе грозный вопросъ о внѣшнемъ положеніи новыхъ государствъ. Послѣдніе годы показали, какія большія требованія предъявляются къ государству для права существовать надъ солнцемъ. Тяжелой борьбой покупается оно. Настолько тяжелой, что Германія уже теперь мечтаетъ о «Срединной Европѣ», чувствуя, что ея собственныхъ силъ недостаточно для того, чтобы имѣть шансы даже послѣ безчисленныхъ побѣдъ удержаться на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ новой исторіей. Нейтрализація? Но еще рано подсчитывать нейтральныя страны, оставшіяся незатронутыми міровымъ пожаромъ. Расчеты еще не кончены, итоги не подведены, и число пострадавшихъ нейтральныхъ государствъ еще можетъ вырасти. Нейтралитетъ обезпечиваетъ—пока существуетъ равновѣсіе. Но въ минуту его нарушенія, въ минуту политическаго международнаго кризиса—равновѣсіе исчезаетъ, и во всей остротѣ встаетъ вопросъ о силѣ. Кромѣ того, при распаденіи Россіи и невѣроятномъ ростѣ могущества Германіи, на востокѣ равновѣсіе не установится вовсе... Массовая нейтрализація государствъ, исторически осужденныхъ на борьбу съ германизмомъ,—это сдача на милость побѣдителя, а не установленіе сколько-нибудь дѣйствительной международной гарантіи. Не получится ли порочный кругъ: для распадающихся частей Россіи нужны международныя гарантіи ихъ нейтральности, а для осуществимости такихъ гарантій—нужно, чтобы Россія не распадалась... Впрочемъ, о нейтралитетѣ не много говорятъ. Больше слышно другое слово: «буф-

ферное государство», не сулящее ничего добраго ни восточному ни западному боку новыхъ государствъ. Или же—«государства-спутники»... Но кому сопутствовать вынуждены будутъ они? Куда, зачѣмъ и за какое вознагражденіе? Это серьезнѣйшіе вопросы. Особыхъ надеждъ на развитіе и усовершенствованіе международнаго права полагать нельзя. «Міровые Соединенные Штаты» остаются покамѣстъ въ сферѣ туманныхъ утопій, и ихъ созданіе отдѣлено отъ насъ многими годами упорной борьбы за міровое господство. Какіе шансы въ этой борьбѣ народовъ будутъ имѣть новыя государства? Намѣчены ли союзы для борьбы? Учтены ли силы и интересы ближайшихъ вѣроятныхъ противниковъ? Сообразованы ли границы съ стратегическими задачами? Обдуманы ли методы ихъ обороны?

Не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ и о культурныхъ силахъ. Подсчитаны ли духовные рессуры, которыми владѣетъ каждая страна? Вѣдь ихъ сразу потребуется очень много. Придется наново создавать всю систему съ верху до низу; придется перестраивать и создавать низшую, среднюю и высшую школу... Правда, простыхъ исполнителей можно будетъ, при условіи достаточныхъ средствъ, купить, и если общественные дѣятели и тѣ готовы служить какъ угодно, хошь—противъ нѣмца, хошь—за нѣмца какъ мы это видимъ въ Кіевѣ, то тѣмъ болѣе на деньги можно нанять второстепенныхъ чиновниковъ. Но далеко ли можно уйти на купленныхъ душахъ?

Но главное—имѣются ли опытные кормчіе? Россія въ минуту опасности, когда старая бюрократическая машина пришла въ полную негодность, поняла съ какимъ трудомъ налаживается административный аппаратъ. Нужны люди, еще люди и опять таки люди. На однихъ принципахъ демократизма не выѣхать. Созданіемъ комиссій—вопросы не разрѣшаются, а запутываются... Нужны зодчіе, дающіе волю, мысль, планъ, систему. Имѣются ли они и достаточно ли ихъ?

Вотъ далеко не полный перечень вопросовъ, стоящихъ передъ каждымъ изъ новыхъ государствъ. Никакой національный энтузіазмъ, никакое патріотическое воодушевленіе не избавляютъ отъ необходимости ихъ поставить и разрѣшить. Пусть молодежь упивается сладкими звуками свободныхъ національныхъ гимновъ и пѣсенъ. Государственные дѣятели, на коихъ велѣніе судебъ возложило тяготу созданія новыхъ государствъ,

должны задуматься надъ поставленными проблемами, дать отвѣтъ на нихъ столбцами цифръ и точными изслѣдованіями и взвѣсить, что значитъ государственная самостоятельность не съ точки зрѣнія патріотическаго воодушевленія и вѣры въ свой народъ, а съ точки зрѣнія современной международной дѣйствительности.

Энтузіазмъ быстро погаснетъ. Вѣдь не кучки молодежи составляютъ народъ. Народныя же массы прежде всего не любятъ, чтобы ихъ отягчали большими платежами, и самую свободу оцѣнятъ рублями, которые можно будетъ получить и которые придется заплатить. Надо разсчитывать не на геройство, не на подвигъ, а на сѣрый будничный трудъ, на трудъ въ разоренныхъ странахъ, съ непросвѣщеннымъ народомъ, не имѣющимъ къ тому же достаточныхъ кадровъ интеллигенціи.

Бѣлоруссія. [1]) Наиболѣе неожиданнымъ новымъ государствомъ встрѣчаемъ Бѣлоруссію. О ней мы мало знаемъ. Бѣлорусское національное движеніе только зарождалось и не выковало опредѣленной идеологіи. Русское общественное мнѣніе даже не знакомо съ попытками небольшихъ кружковъ бѣлорусской молодежи поставить въ порядокъ дня политической жизни вопросъ о національной автономіи ихъ страны. Въ государственныхъ Думахъ голосъ бѣлорусскаго національнаго движенія не получилъ замѣтнаго выраженія, и бѣлорусскія губерніи дали представителей, примыкающихъ или къ польскому колу или къ общерусскимъ партіямъ. Лишь во время революціи практически выдвинулся на ряду съ другими вопросъ о бѣлорусской автономіи, декларированной на первомъ національномъ бѣлорусскомъ съѣздѣ. Потомъ мы прочли о тѣхъ препятствіяхъ, которыя бѣлорусское движеніе встрѣтило со стороны большевистской власти, о разгонѣ Минской Рады и о томъ, что Виленская Рада, съ извѣстнымъ дѣятелемъ бѣлорусскаго національнаго движенія Антономъ Луцкевичемъ во главѣ

---

[1]) Е. Θ. Карскій, «Бѣлоруссы» Варш. 1903 г.; Leon Wasilewski, «Litwa i Białoruś», Kraków; «Россія. Полное Географическое описаніе» подъ ред. В. П. Семенова. т. IX.; М. В. Довнаръ-Запольскій, «Изслѣдованія и статьи», Т. I. К. 1909; «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ», подъ ред. А. И. Кастелянскаго, статья Ант. Новины. «Бѣлоруссы»; Е. Карскій, «Бѣлоруссія и Брестскій миръ», «Междун. пол. и міровое хозяйство», № 3; информація послѣдняго періода—въ газетѣ «Дзянніца», органѣ бѣлорусскаго комиссаріата въ Москвѣ. Этнографическая карта въ т. I труда Е. Θ. Карскаго «Бѣлоруссы» и его же «Этнографическая карта бѣлорусскаго племени», 1918.

18-го февраля объявила самостоятельность Бѣлоруссіи подъ протекторатомъ Германіи. Дальше промелькнули извѣстія объ арестахъ среди дѣятелей бѣлорусскаго національнаго движенія, произведенныхъ германскими властями. Между тѣмъ, Минская Рада, возстановленная послѣ оккупаціи нѣмцами Минска въ новомъ, повидимому, составѣ, приняла чисто германофильскую оріентацію, и 28 апрѣля отъ имени Бѣлорусскаго народа была послана въ Берлинъ благодарность за освобожденіе отъ Россіи. Нынѣ изъ Кіева и изъ Берлина получено извѣстіе, что бѣлорусская республика декларировала свою самостоятельность и даже признана Германіей и Украйной. Постановка на повѣстку дня Бѣлорусской Рады вопроса о федераціи съ Великороссіей, Германіей и Украйной была отвергнута подавляющимъ большинствомъ голосовъ (29-го марта).

Этническій бѣлорусскій матеріалъ имѣется въ большомъ количествѣ: въ Россіи по переписи 1897 года числилось бѣлоруссовъ всего около 6 милліоновъ (точно—5.885.547). Въ настоящее время насчитывается 7, по инымъ источникамъ—8 и даже 10 милліоновъ жителей, считающихъ роднымъ языкомъ

[1]) По академику Карскому этнографическая Бѣлоруссія обнимаетъ всю Могилевскую губ., Витебскую губ. безъ уѣздовъ Двинскаго. Рѣжицкаго и сѣверной части Люцинскаго, Минскую губ. кромѣ южной части Мозырскаго и Пинскаго уѣздовъ, Гродненскій, Сокольскій Волковыскій и части Слонимскаго, Пружанскаго Бѣльскаго и Бѣлостокскаго уѣздовъ Гродненской губ., часть Августовскаго и клочекъ Сейненскаго у. Сувалкской губ., Дисненскій, Ново-Вилейскій и части Лидскаго, Ошмянскаго, Виленскаго, Трокскаго и Свеньцянскаго у. Виленской губ., западный клочекъ Новоалександровскаго у. Ковенской губ., и Иллукстскаго у. Курляндской губ., южн. части Опочецкаго, Великолуцкаго и Торопецкаго у. Псковской губ., клочекъ Ржевскаго у. Тверской губ. Бѣльскій, Порѣчскій, Духовщинскій, Смоленскій, Краснинскій, Рославльскій и часть Ельнинскаго и Дорогобужскаго у. Смоленской губ., клочекъ западныхъ уѣздовъ Калужской губ., западныя части, Брянскаго и Трубчевскаго у. Орловской губ., Мглинскій, Суражскій, Стародубскій, Ново-зыбковскій, части Новгородъ-Сѣверскаго, Соснинскаго и Городокскаго у. Черниговской губ. Граница, опредѣленная ак. Карскимъ, совершенно не совпадаетъ съ данными переписи 1897 года; напр., по даннымъ переписи изъ Смоленской губ. бѣлоруссы составляютъ большинство только въ одномъ Краснинскомъ у., изъ Черниговской только въ Суражскомъ. Вторая Уставная грамота (манифестъ) Рады Бѣлорусской Народной Республики не опредѣляетъ точно государственной территоріи и гласитъ въ общихъ выраженіяхъ, что новая республика обнимаетъ территорію, гдѣ большинство составляетъ бѣлорусскій народъ, т. е. Могилевщину, бѣлорусскую часть Минской, Гродненской (съ г. Гродно и Бѣлостокомъ), Виленской, Черниговской, Смоленской, Витебской и смежныя части сосѣднихъ губерній, населенныя бѣлоруссами. По переписи на территоріи всѣхъ уѣздовъ, гдѣ Бѣлоруссы составляютъ большинство населенія имѣется жителей всего 7.493.431, изъ коихъ бѣлоруссовъ 5.261.972, великоруссовъ 441.016, поляковъ 387.273, евреевъ 1.100.781. По даннымъ Карскаго $^1/_5$, а по другимъ свѣдѣніямъ $^1/_3$ бѣлоруссовъ католики, остальные—православные.

Карта Бѣлорусскаго племени.

Очертанія этнографической границы бѣлорусскаго племени заимствованы изъ карты, приложенной къ книгѣ Е. Ѳ. Карскаго «Бѣлоруссы», т. I, Варшава 1903 г. Въ 1917 году академикомъ Е. Ѳ. Карскимъ выпущена въ свѣтъ новая этнографическая карта бѣлорусскаго племени (№ 2 «Трудовъ Комиссіи по изученію племеннаго состава населенія Россіи», издаваемыхъ Россійской Академіей Наукъ; эта же карта въ 1918 году перепечатана безъ всякихъ измѣненій Бѣлорусскимъ областнымъ комитетомъ при всероссійскомъ совѣтѣ крестьянскихъ депутатовъ). Новая карта показываетъ значительное расширеніе территоріи бѣлорусскаго племени, которое захватываетъ, напримѣръ, большую часть Двинскаго уѣзда съ г. Двинскомъ, и вообще тѣснитъ другія народности и на западѣ (въ Виленской губ.) и на востокѣ.

бѣлорусскій. Однако, граница бѣлорусской народности, наиболѣе точно и полно опредѣленная академикомъ Карскимъ, не можетъ быть признана вполнѣ отчетливой. Даже граница съ литовскимъ племенемъ, наиболѣе легко проводимая вслѣдствіе полной обособленности языка и наиболѣе привлекшая вниманіе вслѣдствіе остраго политическаго интереса и громадной важности, и та, какъ увидимъ ниже, не является вполнѣ опредѣленной, и разные изслѣдователи проводятъ ее весьма различно. Что же сказать о границѣ съ востока, съ сѣвера и съ юга, гдѣ стихія бѣлорусскаго народнаго языка незамѣтно смѣшивается съ родственными стихіями языковъ великорусскаго, украинскаго и польскаго. Такъ, напр., въ словарѣ католиковъ-бѣлоруссовъ Гродненской губ. столько полонизмовъ, что проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ ихъ рѣчь называетъ бѣлорусско-польской. [1]) Или вотъ характеристика отношенія къ украинскому языку тѣхъ бѣлорусскихъ нарѣчій, которыя находятся подъ южно-русскимъ вліяніемъ: «Малорусская рѣчь представляетъ много сходства съ бѣлорусской въ звукахъ, формахъ и словарѣ, такъ что для лицъ, не знакомыхъ научнымъ образомъ съ тѣмъ и другимъ нарѣчіемъ, разграниченіе бѣлоруссовъ и малоруссовъ на первый взглядъ кажется затруднительнымъ... Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ здѣсь служитъ, кромѣ чисто антропологическихъ особенностей, а затѣмъ быта, то или другое произношеніе общерусскаго *е* и *и*, а въ связи съ нимъ и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки, вслѣдствіе чего они смягчаютъ предшествующіе согласные, тогда какъ у малороссовъ эти звуки всегда тверды. Бѣлоруссъ скажетъ—*ведзетъ, мили, бици*, а малороссъ—*вэдэтъ, мылы, бyты*» (Карскій).

Конечно, здѣсь менѣе всего умѣстна иронія надъ, вѣроятно, вполнѣ ясными и опредѣленными категоріями и признаками научной классификаціи, хотя спорность этнографической границы проф. Карскаго подчеркивается даже представителями бѣлорусскаго національнаго движенія (напр., въ отношеніи Смоленской губ.). Но спрашивается, будетъ ли достаточно этихъ признаковъ для политическаго разграниченія? Не созда-

---

[1]) Относительно границы Бѣлоруссіи съ Польшей споръ, очевидно, возникнетъ изъ-за города Бѣлостока, который и поляки и бѣлоруссы считаютъ своимъ.

дутся ли на каждомъ шагу недоразумѣнія и споры, напоминающіе сербо-болгаро-греческіе споры въ Македоніи? Не явится ли это удобною почвою для «балканизаціи» прежней Россіи, если этимъ признакамъ, при всемъ ихъ высокомъ научномъ значеніи, придется рѣшать вопросъ о принадлежности той или иной области, того или иного экономически цѣннаго узла къ одному государству или другому. Тѣмъ болѣе, что другіе признаки тоже не даютъ точнаго отвѣта: вѣроисповѣдный—безсиленъ помочь, такъ какъ бѣлоруссы, соприкасающіеся съ поляками, исповѣдуютъ католичество, а соприкасающіеся съ русскими народностями—православіе; иные этнографическіе признаки едва ли сохранились въ необходимой чистотѣ послѣ великаго переселенія народовъ, совершившагося въ послѣдніе годы въ связи съ войной, въ связи съ тѣмъ, что фронтъ нашихъ армій въ теченіе двухъ лѣтъ прорѣзывалъ Бѣлоруссію, внося новый бытъ, новыя понятія, новый укладъ въ самыя глухія деревушки, вытѣсняя, выжигая прежніе обычаи, пѣсни и обряды.

Но если бы даже эти вопросы не вызвали значительныхъ трудностей, если бы карта, наиболѣе выгодно и широко опредѣляющая бѣлорусское племя, не вызывала никакихъ возраженій со стороны сосѣдей, она все же не могла бы служить единственной основой для проведенія государственной границы. Очертаніе этнической границы отражаетъ живой и свободный процессъ народотворчества, захваченный въ минуту, далекую отъ своего завершенія. Распространеніе бѣлорусскаго элемента въ предѣлахъ широкихъ рамокъ прежней Россіи не считалось ни съ чѣмъ, кромѣ внутренняго позыва населенія. Граница народа то пересѣкаетъ рѣки, то вьется по ихъ берегамъ; не считаясь съ удобствомъ административнаго управленія, она нигдѣ почти не совпадаетъ съ границами губерній и даже мало гдѣ считается съ границами уѣздовъ; она подходитъ вплотную къ цѣлому ряду городовъ, но своенравно и капризно останавливается у черты города и подъ острымъ угломъ поворачиваетъ обратно; она длиннымъ языкообразнымъ выступомъ врѣзается въ литовскія и польскія области, оставивъ между этими двумя выступами острый мысъ чужеязычныхъ земель.

Очевидно, что государственная граница не можетъ слѣдовать всѣмъ капризнымъ извивамъ неостановившагося, незастывшаго,

не вполнѣ опредѣленнаго этническаго процесса. Кладя въ основу этническую границу, придется внести въ нее значительные коррективы. Не станемъ подробно разбирать возможныя трудности и недоразумѣнія, которыя неизбѣжно возникнутъ при этомъ съ латышами, литовцами, поляками, украинцами и великороссами, которые, конечно, будутъ предлагать коррективы въ свою пользу. Апріорные предѣлы споровъ даетъ сочетаніе административнаго и національнаго принципа: если взять тѣ уѣзды, территорія коихъ разсѣкается этнографической границей, проведенной академикомъ Карскимъ,—на картѣ территорія этихъ уѣздовъ показана заштрихованной,—то ихъ населеніе по переписи 1897 года достигаетъ $5^1/_2$ милліоновъ жителей, изъ нихъ половина бѣлоруссы. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр., въ отношеніи Люцинскаго или Мозырьскаго уѣздовъ, вопросъ разрѣшается просто. Но во многихъ уѣздахъ, какъ напр., въ Виленскомъ или Свѣнцянскомъ, гдѣ ни одна національность не имѣетъ абсолютнаго большинства, установленіе новой черты, распредѣленіе городовъ и селъ создастъ непреодолимыя трудности, и въ перспективѣ уже намѣчаются добрый десятокъ ирридентъ—литовской, украинской, великорусской, латышской и польской въ Бѣлоруссіи, и, наоборотъ,—бѣлорусскихъ—въ Литвѣ, Латвіи, Польшѣ, Украинѣ и Великороссіи.

Но и такой цѣной не пріобрѣтается территорія, хоть сколько-нибудь отвѣчающая требованіямъ, предъявляемымъ къ обособленному государственному организму.

Географически Бѣлоруссія занимаетъ территорію истоковъ самыхъ большихъ рѣкъ запада и юга Россіи. Зап. Двина, Нѣманъ, Днѣпръ съ Березиной и Припятью—всѣ онѣ берутъ начало и питаются въ болотахъ и лѣсныхъ чащахъ Бѣлоруссіи. Много истоковъ и ни одного устья. Въ извѣстномъ отношеніи Бѣлорусское государство будетъ культурно-регрессивнымъ фактомъ. Не имѣя никакихъ шансовъ на развитіе промышленности, такъ какъ въ странѣ нѣтъ ни рудъ, ни каменнаго угля, ни промышленныхъ злаковъ, Бѣлоруссія принуждена будетъ остаться страной земледѣльческой и избытокъ населенія или отдавать эмиграціи, т. е. терять для страны государства, или размѣщать на той же территоріи путемъ безжалостной борьбы съ лѣсами. Но, руководимая чисто мѣстными интересами, эта борьба ускоритъ процессъ обмеленія

рѣкъ, берущихъ истоки въ Бѣлоруссіи, ускоритъ безъ всякаго соотвѣтствія съ общимъ ростомъ культуры въ сосѣднихъ областяхъ. Не говоря уже о такихъ планахъ, какъ французскаго инженера до Фосса, требующихъ превращенія въ озера значительныхъ пространствъ у рѣки Припяти, даже самое примитивно-правильное рѣчное хозяйство при полной обособленности Бѣлоруссіи окажется невозможнымъ, такъ какъ будетъ противорѣчить жизненнымъ интересомъ новаго государства.

Для характеристики экономической устойчивости новаго государства мы не имѣемъ данныхъ. Такая работа со спеціальною политическою цѣлью не производилась. А между тѣмъ бѣлоруссы населяютъ не одинъ однородно характеризуемый районъ, а части нѣсколькихъ районовъ, и судитъ объ экономической силѣ этого организма, выкроеннаго изъ клочковъ, нельзя безъ тщательнаго и детальнаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ, законны апріорныя сомнѣнія въ возможности самостоятельнаго экономически независимаго бытія. Въ цѣломъ— этотъ край одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и экономически отсталыхъ. За всю исторію, если не заглядывать въ далекое прошлое вѣчевого періода, въ сказанія о княжествѣ Полоцкомъ и Туровскомъ, Бѣлоруссія всегда жила въ соединеніи съ другими народами—Литвой, Польшей, Великороссіей. Даже историческія дороги Бѣлоруссіи носятъ названія иноземныхъ князей, проводившихъ эти пути въ соотвѣтствіи съ своими стратегическими и экономическими нуждами, и еще теперь мѣстные жители называютъ свои дороги Ольгердовымъ, Витовымъ шляхами, Екатериненскими дорогами. Теперь также ни одна желѣзная дорога не имѣетъ своей конечной станціи въ Бѣлоруссіи, даже нѣтъ ни одного шоссе, которое начиналось бы или кончалось въ Бѣлоруссіи—все это пути къ зарубежнымъ большимъ центрамъ, нѣкогда оспаривавшимъ между собой власть надъ краемъ—перекресткомъ дорогъ съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ. Нити политическаго и экономическаго управленія все время вели изъ края, связывая его съ другими областями, главнымъ образомъ съ Литвой, съ которой большая часть Бѣлоруссіи составляетъ такъ наз. Сѣверо-Западный край, имѣвшій хоть до нѣкоторой степени обособленный и самостоятельный хозяйственно-экономическій бытъ, такъ что даже промышленныя организаціи—союзы кожевниковъ, пиво-

варовъ, мельниковъ строились примѣнительно къ территоріи всего края. Теперь придется эти нити возможно скорѣе разорвать и создавать свои, новые центры, и при томъ центры противоестественные, не возникшіе при свободномъ развитіи жизни.

Въ этихъ условіяхъ Бѣлоруссія вынуждена будетъ строить свой финансовый аппаратъ. Но край этотъ одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ; естественныхъ богатствъ не имѣетъ вовсе. Бумажныя деньги—не имѣютъ обезпеченія. Займы — крайне проблематичны. Остается продажа лѣсовъ, остатковъ того, что еще не успѣли вырубить нѣмцы. А дальше?

Стратегическое положеніе новаго государства дополняетъ картину. Вопросъ объ обезпеченіи границъ имѣетъ первостепенное значеніе для края, въ теченіе всей исторіи служившаго ареной ожесточенныхъ схватокъ сосѣдей между собой—на территоріи Бѣлоруссіи разрѣшались споры между Кіевомъ, Новгородомъ, Москвой, Вильной и Варшавой, и во время нынѣшней борьбы здѣсь же два года проходилъ фронтъ войны. Но борьба не кончена; волны схватки народовъ не скоро улягутся, и въ ихъ переливахъ еще не разъ суждено будетъ тонуть этой небольшой странѣ, если она своими силами не сумѣетъ обезпечить себѣ неприкосновенность. Но это не легко. Благодаря невыгодному сухопутному положенію Бѣлоруссія со всѣхъ сторонъ окружена государствами, и ея граница безъ малаго равняется всему протяженію сухопутнаго фронта Россіи за послѣдній періодъ войны, составляя около 2.200 верстъ. Наименѣе значительные сосѣди, Литва и Латвія, насчитываютъ вмѣстѣ около половины населенія Бѣлоруссіи; но Польша, Украина и Великороссія въ 2, 4 и 10 разъ превосходятъ бѣлоруссовъ по количеству людей. Уже при опредѣленіи территоріальныхъ границъ мы остановились на тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя могутъ возникнуть съ перваго дня рожденія новаго государства—ихъ тоже, за отсутствіемъ регулирующей власти, быть можетъ разрѣшать будетъ сила. Между тѣмъ, сила Бѣлоруссіи не будетъ велика; при сохраненіи прежняго принципа военной службы образуется армія всего въ 100.000 человѣкъ, въ то время какъ арміи нашего западнаго фронта, всецѣло расположеннаго въ предѣлахъ Бѣлоруссіи, въ настоящую войну насчитывали не менѣе $1\frac{1}{2}$ милліоновъ штыковъ. Но и для

содержанія 100.000 со всей остротой встанетъ финансовый вопросъ. Армія будетъ стоить не пропорціонально количеству, а гораздо больше, ибо нѣкоторыя части должны быть во всякой независимой военно-административной системѣ, напр., контръ-развѣдывательное отдѣленіе, которое не можетъ быть уменьшено въ сравненіи съ такимъ же отдѣленіемъ самой большой державы, если только не итти на отсутствіе всякихъ свѣдѣній о планахъ и замыслахъ вѣроятныхъ и возможныхъ противниковъ— а ими будутъ всѣ сосѣди, да, быть можетъ, и кое-кто подальше. Кромѣ того, надѣяться, что границы прикрыты болотами и рѣками, не приходится, такъ какъ имѣются большія, открытыя пространства, а напр. Березина, обрывокъ великой россійской стратегической линіи, дѣлитъ страну пополамъ. Искусственныя укрѣпленія, крѣпости? Но какихъ финансовыхъ жертвъ потребуетъ это!

Такимъ образомъ мы видимъ, что тяготы самостоятельнаго государственнаго бытія получаются не малыя, и великія трудности стоятъ передъ строителями Бѣлоруссіи. Но спрашивается: найдутся ли работники? Насколько извѣстно, бѣлорусская культура—одна изъ самыхъ молодыхъ. Первый букварь «Бѣларуски Лемэнтаръ» былъ выпущенъ въ 1906 году. Теперь же—придется писать сводъ законовъ. Или онъ будетъ написанъ языкомъ Литовскаго Статута? На народной нивѣ до сихъ поръ работалъ лишь самоотверженный кружокъ молодежи; съ величайшими усиліями было налажено издательство одной газеты, было выпущено нѣсколько брошюръ... Вотъ и все. Теперь этимъ рукамъ—единственнымъ носителямъ, хранителямъ бѣлорусской идеи—придется взять организацію всей работы, объемъ которой въ самыхъ общихъ чертахъ нами только что намѣченъ. Не явится ли это непосильнымъ бременемъ, непреодолимымъ при всемъ энтузіазмѣ? Кто будетъ помогать? Краевыя средства даютъ только прекрасно сорганизованный польскій помѣщичій элементъ, евреевъ, въ рукахъ которыхъ вся торговля, и великорусскую интеллигенцію и чиновничество. Бѣлоруссы составляютъ сплошь лишь крестьянство [1]), притомъ съ крайне низкимъ процентомъ грамотности; все это жители допотопныхъ деревень, которымъ едва ли окажется посильной

[1]) По переписи 1897 года 89,93% бѣлоруссовъ—земледѣльцы; слѣдующая наиболѣе крупная группа—2,75%—прислуга, поденщики.

задача завоеванія для своей націи городовъ [1]. Со временемъ, конечно, явятся работники, народные низы выдвинутъ силы. Но теперь, когда будутъ закладываться основы бѣлорусскаго государства и опредѣлятся его судьбы на долгія десятилѣтія, теперь творческая работа въ силу неизбѣжности должна будетъ перейти въ руки элементовъ, чуждыхъ бѣлорусской народной идеѣ [2]. Самихъ же бѣлорусскихъ силъ и всѣхъ рессурсовъ бѣлорусской культуры едва ли хватитъ даже для налаживанія низшей школы. Между тѣмъ не слѣдуетъ забывать и о внутреннихъ раздорахъ, элементовъ для которыхъ болѣе чѣмъ достаточно. Вліяніе поляковъ въ католической части бѣлоруссовъ и великороссовъ—въ православной грозитъ значительными осложненіями съ первыхъ же дней самостоятельности новой республики.

Латвія. Самостоятельная Латвія будетъ имѣть этническій матеріалъ всего до 2.000.000 людей (по переписи 1897 года въ Россіи было 1.435.637 латышей). Въ общемъ граница государственной территоріи могла бы быть проведена съ меньшими трудностями, такъ какъ съ Запада ею служилъ берегъ Балтійскаго моря и Рижскаго залива, съ сѣвера и съ востока латыши граничатъ съ чужеродными по языку эстами, великороссами и бѣлоруссами; южная же граница, гдѣ латыши сталкиваются съ родственнымъ литовскимъ народомъ, сравнительно опредѣленна, такъ какъ на значительномъ протяженіи совпадаетъ съ границей Ковенской губерніи [3]. Однако, разме-

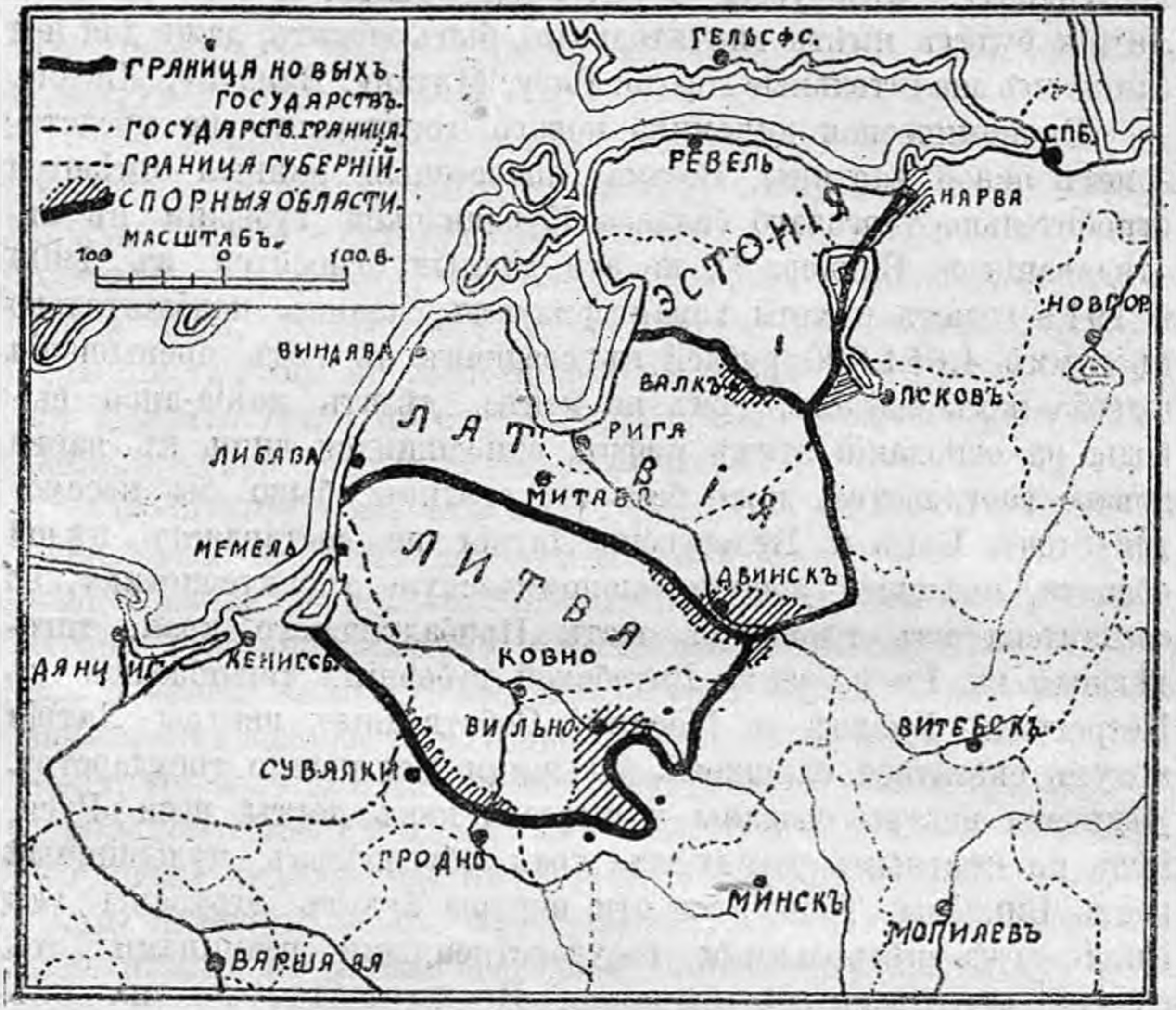
---

[1]) По отношенію ко всему населенію, говорящему въ Россіи на русскомъ (великорусскій, украинскій, бѣлорусскій) языкѣ, бѣлоруссы составляли въ 1897 году 7%; но бѣлоруссы-горожане составляли всего 1,69% по отношенію ко всему городскому населенію Россіи, говорящему на русскихъ языкахъ. По переписи 1897 г. въ г. Минскѣ было изъ 90.912 жителей всего 9.369 бѣлоруссa; въ Могилевѣ изъ 43.119 жителей 12.847 бѣлорусса, при чемъ изъ бѣлорусскаго элемента рекрутируется главнымъ образомъ домашняя прислуга и пр., и его почти нѣтъ среди торговцевъ, ремесленниковъ, чиновниковъ и пр.

[2]) Насколько своеобразна національная проблема Бѣлоруссіи, наглядно можетъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что виднѣйшій дѣятель «освобожденія» Бѣлоруссіи, давно работавшій на бѣлорусской народной нивѣ,—полякъ по культурѣ, литовецъ по фамиліи, украинецъ по сферѣ своихъ экономическихъ интересовъ.

[3]) Латвія обнимаетъ всю Курляндскую губернію, кромѣ частей Иллукстскаго у., въ которомъ латыши составляютъ лишь относительное большинство (29%), Рижскій, Валкскій, Венденскій и Вольмарскій уѣзды Лифляндской губ., и такъ наз. Польскіе Инфлянты или Летгалію—Люцинскій, Рѣжицкій и Двинскій у. Витебской губ. Въ Двинскомъ у. латыши составляютъ лишь относительное большинство (39%). На всей территоріи Латвіи по переписи 1897 года числилось жителей 1.124.253, изъ коихъ латышей 812.623, русскихъ 128.931 и нѣмцевъ 81.295. Курляндскіе и лифляндскіе латыши—лютеране употребляютъ готическій шрифтъ; летгальцы—католики, и книги на своемъ нарѣчіи печатаютъ латинскимъ шрифтомъ; для сближенія обѣихъ частей

Литва, Латвія и Эстонія.

Спорныя области: 1) Городъ Нарва съ округой. — 2) Городъ Валкъ и вся сѣверная часть Валкскаго уѣзда.—3) Сѣверо-западная часть Псковскаго уѣзда съ городомъ Изборскомъ.—4) Городъ Двинскъ и прилегающія къ нему части Двинскаго и Иллукстскаго уѣздовъ.—5) Городъ Вильна съ прилегающими частями Виленскаго, Лидскаго и Ошмянскаго уѣздовъ.—6) Сѣверныя части Сувалкскаго и южныя части Сеиненскаго уѣзда.

жеванiе съ эстонцами можетъ натолкнуться на требованiе послѣдними о передачѣ имъ узловой станцiи г. Валкъ, расположеннаго въ латышскомъ уѣздѣ. Въ еще большей степени пестрота этническаго состава дѣлаетъ спорнымъ обладанiе г. Двинскомъ [1]), на который, кромѣ латышей, могутъ еще съ извѣстнымъ правомъ претендовать бѣлоруссы и литовцы. Однако, и безъ Двинска Латвiя будетъ имѣть значительные, быть можетъ, даже для нея слишкомъ значительные города: Ригу, Митаву, Виндаву, Либаву.

Экономическая динамика новаго государства не представляетъ ясной картины. Весьма интересныя данныя имѣются относительно торговаго баланса Курляндской губернiи въ изслѣдованiи г. Битнера [2]), но эти данныя относятся къ 1909 и 1911 годамъ и хотя характеризуютъ балансъ положительно въ суммѣ 4.654.000 рублей въ среднемъ въ годъ превышенiя вывоза надъ ввозомъ, тѣмъ не менѣе, дѣлать какiе-либо выводы на основанiи этихъ цифръ, относящихся лишь къ части новаго государства, даже безъ его столицы, было бы неосмотрительно. Какъ и Бѣлоруссiя, Латвiя не составляетъ цѣлой области, имѣющей общую экономическую характеристику, но составлена изъ клочьевъ: часть Прибалтiйскаго края, тяготѣющая къ Ригѣ, часть Витебской губернiи, тяготѣющая къ Петрограду, Вильнѣ и Москвѣ. Собственные центры Латвiи могутъ оказаться слишкомъ большими для новаго государства. Вѣдь эти центры созданы и выросли какъ порты всея Руси, вѣдь не мѣстнымъ развитiемъ края обусловленъ чудовищный ростъ Виндавы. Теперь же эти центры будутъ отрѣзаны гдѣ одной, гдѣ нѣсколькими государственными границами отъ своихъ естественныхъ рынковъ. Не отразится ли на ихъ судьбѣ, если Риго-Орловскую, Виндаво-Рыбинскую и Либаво-Роменскую желѣзныя дороги придется переименовать въ Риго-Штокмансгофскую, Виндаво - Рѣжицкую и Либаво-Вайноденскую? И побывавъ въ петлицѣ Вильгельма, не зачахнетъ

выдвинута мысль о переходѣ всей латышской литературы къ латинскому шрифту, что соотвѣтствуетъ и общей антинѣмецкой тенденцiи латышскаго нацiональнаго движенiя. Культурный центръ Латвiи—Рига, Летгалiи—Рѣжица.

[1]) По переписи 1897 г. въ Двинскѣ было изъ общаго числа 69.675 жителей 19.153 великоросса, 2.525 бѣлорусса, 11.420 поляковъ, 193 литовца, 1.274 латыша, 3.126 нѣмцевъ, 32.064 еврея. Въ Валкѣ по тѣмъ же даннымъ было изъ 10.922 жителей 3.594 эста и 4.453 латыша; однако, въ послѣднiе годы до войны количество эстовъ значительно возросло и превысило число латышей; зато во время войны бѣженцы изъ Курляндiи дали опять перевѣсъ латышскому элементу.

[2]) W. Bitner. Materyaly do bilansa handlowego Litwy i Kurlandii. 1918.

ли цвѣтокъ Прибалтійскаго края—Рига? Корни, питавшіе ихъ, будутъ стѣснены или даже обрѣзаны: «заграничная» Виндава и Либава не будутъ имѣть никакого преимущества передъ германскими портами, которые и до войны уже, благодаря своеобразнымъ тарифамъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣли въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ своихъ серьезныхъ конкурентовъ. Теперь черезъ прежніе порты пойдетъ только мѣстный товаръ и тотъ товаръ, который Германія разрѣшитъ вывозить старымъ путемъ.

Съ военно-стратегической точки зрѣнія Латвія не имѣетъ никакихъ шансовъ создать систему обороны собственными силами. Имѣя сухопутную границу протяженіемъ около 800 верстъ и столицу своего государства, расположенную на берегу моря, господство надъ которымъ будетъ принадлежать Германіи, Латвія по количеству населенія будетъ въ состояніи держать всего не болѣе 20.000 подъ ружьемъ (при соблюденіи прежней тяготы военной службы).

Въ культурномъ отношеніи Латвія будетъ находиться въ значительно лучшемъ положеніи, чѣмъ Бѣлоруссія. При поголовной почти грамотности населенія, она имѣетъ богатую литературу и весьма развитую общественную жизнь. Цѣлый рядъ газетъ давно выходитъ на латышскомъ языкѣ [1]), партіи весьма дифференцированы, и ихъ спектръ выражаетъ подлинное лицо націи. Но зато Латвія имѣетъ внутреннюю тяжелую болѣзнь—борьбу латышей съ нѣмецкимъ элементомъ, которая въ послѣднее время выражалась въ борьбѣ съ феодальными привиллегіями бароновъ и за преобладаніе въ органахъ городского самоуправленія. Если благодаря численному перевѣсу латышей въ городахъ имъ удалось достигнуть значительныхъ успѣховъ въ смыслѣ національизированія городскихъ самоуправленій края, то, съ другой стороны, нѣмецкимъ баронамъ при помощи связей и вліяній въ правительственныхъ верхахъ удалось до послѣдняго времени сохранить такія привиллегіи, какихъ не имѣетъ ни одно сословіе ни одной страны (напр., охоты, рыбной ловли). Теперь съ отпаденіемъ отъ Россіи эта борьба пріобрѣтетъ характеръ международнаго вопроса, что

---

[1]) Умѣстно напомнить, что первый латышскій періодическій органъ, еженедѣльникъ «Peterburgas Awises», выходилъ въ Петербургѣ и въ 1865 году былъ закрытъ по настоянію прибалтійскихъ нѣмцевъ.

значительно усложнитъ положенiе латышей. Земельная реформа, составляющая завѣтную мечту Латвiи, гдѣ до 80% крестьянъ безземельны, а главная масса земли принадлежитъ нѣмецкимъ баронамъ, становится крайне трудно осуществимой или осуществимой въ пользу не латышей, а нѣмецкихъ колонистовъ, которымъ германское правительство, конечно, будетъ оказывать не меньшую помощь, чѣмъ русское правительство оказывало своимъ колонистамъ. Нѣмцы будутъ имѣть еще историческое основанiе; они имѣютъ возможность съ гордостью говорить о цивилизующей роли, которую они безспорно сыграли въ краѣ, и, если историческiе доводы не окажутся достаточно убѣдительными для сохраненiя или даже для расширенiя германскихъ позицiй въ краѣ, то эти аргументы могутъ быть поддержаны непререкаемымъ авторитетомъ крейсера или миноноски, появившейся въ устьѣ Двины.

Кромѣ того, и внутри самого латышскаго народа, въ связи съ выдѣленiемъ значительнаго класса буржуазiи съ одной стороны и громадныхъ кадровъ безземельныхъ—съ другой, крайне обострились классовыя взаимоотношенiя. Позицiя латышскихъ стрѣлковъ во время революцiи и отношенiе къ нимъ со стороны латышской буржуазiи служитъ яркой иллюстрацiей внутренняго раскола нацiи. Культурно-религiозныя различiя между латышами Прибалтiйскаго края и летгальцами тоже не должны быть сбрасываемы со счетовъ.

Эстонiя. [1]) Объ эстахъ и Эстонiи русское общественное мнѣнiе не знаетъ почти ничего, хотя, на ряду съ Финляндiей, это ближайшiе сосѣди прежней столицы Россiи. Даже въ сборникѣ «Формы нацiональнаго движенiя въ современныхъ государствахъ» мы не находимъ очерка, посвященнаго эстамъ, хотя, казалось бы, общественная жизнь ихъ значительно богаче и глубже, чѣмъ нашедшихъ себѣ мѣсто въ сборникѣ бурятовъ и киргизовъ.

---

[1]) Этнографическая Эстонiя занимаетъ всю территорiю Эстляндской губ. и Перновскiй, Юрьевскiй, Феллинскiй, Верроскiй и Эзельскiй у. Лифляндской губ. По даннымъ переписи 1897 г. на этой территорiи изъ 958.351 жителей эстовъ—907.136, русскихъ—37.577, нѣмцевъ—33.724. Въ Псковской губ. эстонскiя поселенiя захватываютъ сѣверо-западный уголъ Псковскаго уѣзда (Печерскiй край или Сетукезiю). На всей территорiи этнографической Эстонiи (42.000 кв. верстъ) къ 1913 году считалось жителей 1.250 т., изъ нихъ 1.100 т. или 85% эстовъ, 5% нѣмцевъ. Внѣ этнографической Эстонiи число эстовъ опредѣляется въ 300 т., изъ нихъ около 80 т. въ Петроградѣ. Городское населенiе Эстонiи къ 1913 году считалось около 300 т., изъ нихъ эстовъ около 75%.

Границы Эстоніи проводятся сравнительно очень просто и удобно, такъ какъ съ запада, сѣвера и съ востока граница опредѣляется Рижскимъ и Финскимъ заливомъ, рѣкой Наровой и Чудскимъ озеромъ; съ юга же эсты граничатъ съ латышами, совсѣмъ чужероднымъ племенемъ. Однако, со стороны эстовъ уже проявилась нѣкоторая «аггрессивность», выразившаяся въ требованіи присоединенія къ Эстоніи или «штату Эсти» Нарвы и Валка и всего Печерскаго края Псковской губ. съ чисто великорусскимъ г. Изборскомъ включительно. Если это требованіе и можетъ быть поддержано аргументами этнографическаго характера, то экономическія и стратегическія соображенія могутъ заставить латышей и великороссовъ возражать.

Стратегическая обстановка государства опредѣляется малымъ количествомъ населенія, наличіемъ могущественныхъ сосѣдей, громадной морской границей, имѣющей много удобныхъ мѣстъ для высадки, и обладаніемъ такой лакомой приманкой, какъ гор. Ревель и острова Моонзундскаго архипелага, первенствующее значеніе которыхъ въ сѣверной части Балтики выяснилось въ теченіе настоящей войны.

По культурнымъ рессурсамъ эсты одинъ изъ наиболѣе богатыхъ народовъ Россіи [1]). Значеніе нѣмецкаго элемента и внутреннія противорѣчія аналогичны съ Латвіей. 58% лучшей земли и всѣ лѣса края въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, изъ коихъ 95% нѣмцы. Среди же эстовъ 70% безземельны. Рессурсы нѣмецкихъ бароновъ, использованные съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ въ этомъ ключѣ Балтійскаго моря, могутъ быстро разрушить прекрасное зданіе мирной культуры, созданное трудомъ малочисленнаго, но сильнаго духомъ народа.

Литва. [2]) Этнографическая Литва является клиномъ между германской восточной Пруссіей и германизированнымъ, насы-

---

[1]) По переписи 1897 года грамотныхъ было 96,6%, теперь же грамотность поголовная. На 1.000 эстовъ приходится одинъ студентъ (всего 1.200), изъ коихъ 12% женщинъ.

[2]) Этнографическая Литва занимаетъ всю Ковенскую губ. (кромѣ восточной части Ново-Александровскаго уѣзда), южную часть Иллукстскаго у. Курляндской губ., Трокскій у., сѣверн. часть Свѣнцянскаго, западную Виленскаго, сѣв. Лидскаго и нѣсколько этнографическихъ острововъ въ Ошмянскомъ у. Виленской губ., сѣв. часть Гродненскаго у., Владиславовскій, Волковышскій, Кальварійскій, Маріампольскій и Сейненскій (кромѣ южной части) и сѣв. часть Сувалкскаго у. Сувалкской губ. По переписи 1897 г. литовцевъ было всего въ Ковенской губ. 1.019.772, въ Сувалкской—304.548, въ Виленской—279.720, въ Курляндской—16.531, въ Гродненской—3.366, а во всей Россіи 1.658.532. Цифры эти литовскіе изслѣдователи

щеннымъ нѣмецкимъ элементомъ Прибалтійскимъ краемъ: историческія причины сдѣлали ее до сихъ поръ почти свободной отъ нѣмецкаго вліянія.

Этнографическія данныя не вездѣ даютъ достаточный матеріалъ для проведенія государственной границы. Уже наименѣе спорная граница между Литвой и Латвіей, въ общемъ совпадающая съ сѣверной границей Ковенской губерніи, можетъ возбудить сомнѣнія и изъ-за выхода Литвы къ морю, и изъза отдѣльныхъ приходовъ въ Ковенской губерніи, населенныхъ латышами, и въ предѣлахъ Иллукстскаго уѣзда, гдѣ поселенія литовцевъ подходятъ вплотную къ Двинску и даже перебросились на правый берегъ Двины. Размежеваніе съ поляками въ Сувалкской губ. тоже потребуетъ разграниченія не по уѣздамъ и даже не по гминамъ, а по отдѣльнымъ селеніямъ и деревнямъ. Но наиболѣе спорнымъ является рубежъ, отдѣляющій Литву отъ Бѣлоруссіи. На картѣ видно, что разные изслѣдователи проводятъ границу разно. Между тѣмъ она имѣетъ крайне важное значеніе, такъ какъ ея конфигурація опредѣляетъ и рѣшаетъ одинъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ: вопросъ о столицѣ Литвы, о наслѣдіи Гедимина, о городѣ Вильнѣ, который оказался за предѣлами этнографической Литвы: этнографическія изслѣдованія, кладущія въ основу признакъ «родного языка», въ общемъ не въ пользу литовцевъ, и лишь органъ литовской демократіи, газета «Lietuvos ukininkas», явно тенденціозно отводитъ роковую черту на востокъ. Между тѣмъ историческія и политическія права Литвы на этотъ городъ съ округой—безспорны: вѣдь еще 50 лѣтъ тому назадъ граница шла значительно восточнѣе. Да и теперь католики-бѣлоруссы, живущіе около Вильны, употребляющіе латинскій шрифтъ (газета «Наша Ніва» на бѣлорусскомъ языкѣ въ началѣ должна была выходить въ двухъ изданіяхъ—русскимъ шрифтомъ для православныхъ и латинскимъ

значительно увеличиваютъ, принимая для настоящаго времени число литовцевъ въ Россіи около 2.750 т. На территоріи уѣздовъ, гдѣ литовцы составляютъ большинство, изъ 2.158.630 жит. приходится литовцевъ 1.434.423, поляковъ—195 481, евреевъ—270 920, русскихъ—96.916, нѣмцевъ—48.407 См. А. Булатъ, статьи въ «Формы націон. движенія» и въ «Нов. Энцикл. Словарь» и K. Werbelis «Russische Litauen», 1916. Слѣдуетъ отмѣтить, что территорія этнографической Литвы не совпадаетъ ни съ «Литвой» въ административно географическомъ смыслѣ, обнимающей цѣликомъ Ковенскую, Виленскую и Гродненскую губерніи, ни съ «Литвой» въ пониманіи вождей литовскаго національнаго движенія, которые стремятся къ объединенію цѣликомъ Ковенской, Виленской и Сувалкской губерній.

Этнографическая граница между литовцами и бѣлоруссами,

Карта заимствована изъ вышеуказаннаго сочиненія К. Вербелиса. Изслѣдованіе Матуліониса датировано 1902 г., Карскаго—1903, Розвадовскаго—1914. Полъ вѣка тому назадъ граница литовскаго племени проходила восточнѣе Ошмянъ: этнографическій бѣлорусскій выступъ, захватившій Вильну, создался въ послѣднее пятидесятилѣтіе.

въ чешскомъ правописаніи—для католиковъ), по всѣмъ другимъ, кромѣ языка, этнографическимъ признакамъ, по пѣснямъ, по обычаямъ, по быту, по именамъ и фамиліямъ сохранили черты, свойственныя литовской націи. Но все же фактъ остается на лицо: Виленскій у. по большинству принадлежитъ къ бѣлоруссамъ, а городъ Вильна—интернаціоналенъ, съ преобладаніемъ еврейскаго населенія [1]).

Надо надѣяться, что естественныя географическія и историческія соображенія заставятъ бѣлоруссовъ не возражать противъ одного изъ основныхъ постулатовъ литовской общественности, которая всегда требовала автономіи съ сеймомъ въ Вильнѣ, а теперь—самостоятельности со столицей въ Вильнѣ. Но для двухъ милліоновъ литовцевъ задача завоеванія Вильны, превращенія этого интернаціональнаго города въ дѣйствительную твердыню Литвы—является задачей крайне трудной, которая вызоветъ много треній и не лишена нѣкоторыхъ опасностей съ международной (въ новыхъ масштабахъ) точки зрѣнія. [2]) Во всякомъ, даже наиболѣе благопріятномъ случаѣ столица Литвы будетъ находиться у самой границы государства.

Западная граница тоже сулитъ извѣстныя осложненія, такъ какъ этнографическая Литва захватываетъ часть восточной Пруссіи, составлявшую въ прежнее время литовскій Пьемонтъ. Думать, что Пруссія поступится этими крохами, въ которыхъ уже успѣшно завершается процессъ германизаціи (литовцы тамъ составляютъ всего 29% населенія), едва ли приходится; вѣроятнѣе всего признать, что устье Нѣмана окажется навсегда потеряннымъ для Литвы. Скорѣе здѣсь можно ожидать извѣстной аггрессивности со стороны Пруссіи, которая вообще склонна разсматривать Литву, какъ свое естественное географическое продолженіе.

Всѣ проводимыя новыя границы имѣютъ громадное культурное и экономическое значеніе для Литвы, всѣ грозятъ довольно

---

[1]) По переписи 1897 г. въ г. Вильнѣ 153.740 жителей распредѣлялись по національностямъ слѣдующимъ образомъ: 3.331 литовца, 6.501 бѣлорусса, 30.919 великороссовъ, 47.641 поляковъ и 61.844 еврея. Впрочемъ, также неблагопріятно положеніе литовцевъ и въ г. Ковно, гдѣ въ 1897 г. было изъ 70.910 жит. всего 4.698 литовца, 25 т. евреевъ, 16 т. поляковъ и 18 т. великороссовъ.

[2]) Естественный процессъ распространенія литовскаго вліянія не даетъ благопріятныхъ показаній Къ 1909 году по даннымъ административной статистики число литовцевъ Виленской губ. пало не только относительно, съ 17% на 13%, но и абсолютно, понизившись оъ 279.877 до 234.484. То же самое въ городѣ Вильнѣ, гдѣ число литовцевъ съ 2% по переписи пало до 1, 2% къ 1909 г.

тяжелыми послѣдствіями съ первыхъ шаговъ новой государственной жизни. Границы съ Латвіей отрѣзаютъ отъ Либавы, черезъ которую шелъ потокъ литовскихъ эмигрантовъ, отъ Риги, съ которой сѣверо-западные уѣзды Ковенской губерніи связаны живой экономической связью, трудно улавливаемой даже статистикой, такъ какъ движеніе товаровъ совершается безконечной вереницей обозовъ и громадными гуртами скота. Граница съ Бѣлоруссіей отрѣзаетъ Вильну отъ сферы культурно-экономическаго воздѣйствія, и весьма вѣроятно, что, сдѣлавшись столицей Литвы, Вильна будетъ съ сожалѣніемъ вспоминать о политически болѣе скромной, но экономически болѣе выгодной роли—общепризнаннаго центра сѣверо-западнаго края. Граница съ Польшей наноситъ послѣдній ударъ уніи Литвы съ Польшей, съ такимъ упорствомъ и настойчивостью созданной вдумчивыми и заботливыми предками. Весьма трудно оцѣнить выгоды и потери отъ этого раздѣленія. Все же литовско-польская культура живое реальное явленіе, и отрицать его можно только въ пылу полемики. Мицкевичъ—не только польскій, но и литовскій поэтъ, осознавшій и воплотившій въ своихъ образахъ не Польшу и не Литву, а Польшу и Литву въ ихъ общихъ историческихъ судьбахъ. Лишь узкій шовинизмъ могъ подсказать слова, что ополяченный Мицкевичъ для литовцевъ то же, что онѣмеченный фонъ Подбѣльски для поляковъ...

Объ экономической динамикѣ новаго государства мы можемъ судить по спеціальному уже цитированному изслѣдованію, посвященному выясненію характера торговаго баланса Литвы и Курляндіи [1]). Однако эти данныя не соотвѣтствуютъ этнографической Литвѣ, такъ какъ обнимаютъ собой три губерніи: Ковенскую, Виленскую и Гродненскую. Такимъ образомъ, онѣ охватываютъ такія области, которыя въ составъ новаго государства не войдутъ, съ другой стороны оставляютъ неосвѣщеннымъ вопросъ о положеніи Сувалкской губерніи. Въ общемъ данныя не особенно утѣшительныя. Правда, балансъ получается активный, но превышеніе цѣнности вывоза надъ ввозомъ покупается дорогой цѣной широкаго лѣсоистребленія, такъ какъ цѣнность вывозимаго лѣса составляетъ главную

[1]) W. Bitner. Materyaly do bilansu handlowego Litwy i Kurlandii. 1918.

статью вывоза. И г. Битнеръ задаетъ вопросъ: что будетъ, когда лѣсоистребленіе достигнетъ естественныхъ предѣловъ? Чѣмъ тогда Литва покроетъ цѣнность тѣхъ товаровъ, которые ей необходимы и которые она ввозила. Нѣсколько парадоксальнымъ является установленный изслѣдованіемъ фактъ, что земледѣльческіе продукты составляютъ даже для Ковенской губерніи незначительную статью вывоза, а для Виленской и Гродненской—хлѣбъ даже ввозится. Не будетъ лѣса—не будетъ чѣмъ заплатить за хлѣбъ насущный [1]).

При отсутствіи явныхъ и значительныхъ естественныхъ богатствъ налаживаніе экономической и финансовой стороны должно представить значительныя заботы и въ первое время не будетъ преодолимо безъ посторонней и щедрой помощи. Но при сохраненіи государственной обособленности на пути этой помощи будетъ стоять хрупкость новаго государства. Мы упомянули, что изъ прибрежной полосы Балтійскаго моря только Литва составляетъ тѣло, вклинившееся въ сферу германскаго господства или вліянія и преобладанія германской культуры. Сможетъ ли страна сдерживать долѣе напоръ съ обѣихъ сторонъ? Что Литва будетъ въ состояніи противопоставить для своей обороны?

Основныя военно-стратегическія данныя рисуются слѣдующимъ образомъ. Протяженіе всей подлежащей защитѣ границы около 1.000 верстъ. Естественныхъ рубежей—никакихъ. Количество постоянной арміи, примѣнительно къ прежней русской системѣ комплектованія, дастъ около 20.000 штыковъ, т. е. по взводу на версту защищаемой границы. Между тѣмъ спорныхъ пограничныхъ вопросовъ для постоянныхъ международныхъ осложненій—болѣе чѣмъ достаточно.

При такихъ условіяхъ естественно, что литовскіе общественные дѣятели связываютъ вопросъ о самостоятельности Литвы съ вопросомъ объ ея нейтрализаціи. Но этотъ вопросъ былъ законенъ въ тотъ моментъ, когда онъ возникъ, когда еще судьба Россіи не опредѣлилась, когда рѣчь шла о выдѣленіи

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что оккупаціонныя германскія власти приближаютъ этотъ роковой часъ, такъ какъ ведутъ поистинѣ варварское лѣсоистребленіе на всей территоріи Литвы, при чемъ лѣсъ весь вывозится въ глубь Германіи. Для Германіи это одинъ изъ видовъ контрибуцій, которую она уже втихомолку взимаетъ. Литва же можетъ вспоминать древнее предсказаніе литовской богини, что Литва погибнетъ, когда въ ней будутъ вырублены лѣса.

только Польши, Литвы, б. м. Финляндіи, но никакъ не о полномъ распадѣ Россіи. При этихъ условіяхъ гарантіи нейтралитета, данныя съ востока и съ запада, могли внушать довѣріе. Теперь же положеніе рѣзко измѣнилось, и Литва, на протяженіи всей своей исторіи боровшаяся и наносившая не одинъ кровавый урокъ германизму, остается съ нимъ съ глазу на глазъ. Приходится серьезно задуматься надъ перспективами «нейтральности».

Но Германія можетъ оказаться не единственнымъ противникомъ Литвы. Историческая связь Польши съ Литвой въ интерпретаціи польскихъ націоналистовъ накладываетъ не только моральныя обязательства сохранять эту связь. На этой почвѣ ополяченные высшіе классы Литвы не особенно склонны считаться съ запросами литовской стихіи или, какъ они сами говорятъ, съ крикливыми требованіями литвомановъ. Вопросъ объ употребленіи языка въ домашнемъ обиходѣ и въ костелахъ вызвалъ много недоразумѣній, и польско-литовскій вопросъ имѣетъ сравнительно довольно большую литературу, которая, къ сожалѣнію, даетъ подчасъ право говорить не только о вопросѣ, но и о «распрѣ». И нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ хаосѣ установленія новыхъ границъ найдутся вліятельные круги поляковъ, которые припомнятъ культурныя заслуги Польши передъ Литвой и будутъ толкать общественное мнѣніе къ предъявленію теперь счета за нихъ.

Не слѣдуетъ также упускать изъ вида, что въ самихъ національныхъ литовскихъ кругахъ нѣтъ полнаго единогласія, и еще не имѣвшая возможности выступить на широкой политической аренѣ молодая литовская общественность даетъ картину ожесточенной борьбы демократически настроенной интеллигенціи съ консервативнымъ клерикализмомъ. Литовскій Сеймъ въ Петроградѣ раскололся на двѣ части и не могъ закончить своихъ занятій—плохое предзнаменованіе для будущихъ партійныхъ взаимоотношеній Литвы.

Культурныхъ силъ, способныхъ и готовыхъ взять на себя трудъ созданія литовскаго государства, не такъ много. Правда, изученіе Литвы, изданіе литературныхъ произведеній началось давно. Историческія традиціи даютъ идеологическую основу литовскому національному движенію. Но все это составляетъ небольшую горсточку. И такой даже аксіоматическій вопросъ,

какъ созданіе въ Вильнѣ университета, представляетъ и большія трудности и опасности для литовской задачи въ Вильнѣ. Создать чисто литовскій университетъ съ преподаваніемъ на литовскомъ языкѣ будетъ крайне трудно, если только не невозможно безъ крайняго ущерба существу университетскихъ задачъ. Но допустить преподаваніе на другихъ языкахъ—нѣмецкомъ, польскомъ, русскомъ—это значитъ создать интернаціональный университетъ, который лишь подчеркнетъ интернаціональный характеръ города Вильны.

Польша [1]. Польскій вопросъ съ минуты объявленія войны безспорно сталъ вопросомъ международнымъ, и вниманіе дипломатовъ всего міра ни на минуту не выпускаетъ его изъ вида. Не существуя, какъ государственное цѣлое, не имѣя самостоятельной организаціи, Польша, какъ привидѣніе, была все же дѣйствующимъ лицомъ въ міровой драмѣ народовъ. Въ концѣ 1916 года послѣ объявленія срединныхъ имперій о созданіи независимой Польши—привидѣніе стало получать черты реальности, и возстановленіе польской государственности стало безспорнымъ послѣ манифеста Временнаго Правительства 30-го марта 1917 года... Лишь по одному вопросу еще во время борьбы молчаливо пришли къ соглашенію воюющія державы, и этимъ вопросомъ было—возсозданіе Польши!

Но не пройдемъ мимо этого, повидимому, уже предрѣшеннаго вопроса и займемся имъ, хотя бы для того, чтобы яснѣе себѣ представить совокупность условій, въ которыхъ будутъ существовать новыя государства, и въ ряду каковыхъ по силѣ и значенію Польша займетъ, безспорно, одно изъ

---

[1]) По даннымъ А. Закревскаго, «Польша, статистико-этнографическій очеркъ» Кіевъ, 1916, распространеніе поляковъ слѣдующее: Въ Царствѣ Польскомъ поляковъ 9.420 т. изъ общаго количества жителей 13.057 т., въ Познани—1.291 т. изъ 2.100 жит., въ Западной Пруссіи—604 т. изъ 1.703 жит., въ Ольштинскомъ Округѣ Восточной Пруссіи 250 т. изъ 543 т. жит., въ Опольскомъ округѣ Силезіи 1.258 т. изъ 2.208 т. жит., въ Западной Галиціи—2.561 изъ 2.667, въ 4 уѣздахъ княжества Цѣшинскаго 235 т. поляковъ и въ польскихъ мѣстностяхъ Венгріи около 250 т. поляковъ, всего 15.878 т. поляковъ изъ общаго числа 22.279 т. жителей этнографической Польши. Очертаніе этнографической Польши, составленное по даннымъ, относящимся къ болѣе дробнымъ дѣленіямъ, чѣмъ указанныя выше, основана на картахъ, приложенныхъ къ т. II, изслѣдованія F. Rasinski, «Polska Etnograficzna», 1916. Къ Царству Польскому въ очертаніи до выдѣленія Холмской губерніи прибавленъ Бѣлостокскій Округъ въ составѣ Бѣльскаго, Бѣлостокскаго и Сокольскаго у. Гродненской губ., но выдѣлены Волковыскій, Владиславовскій, Кальварійскій, Маріампольскій и сѣверн. части Сейненскаго и Сувалкскаго у. Сувалкской губ., населённые литовцами.

Польша въ этнографическихъ границахъ.

первыхъ мѣстъ. Кромѣ того, съ момента манифеста Временнаго Правительства совершились глубочайшія перемѣны, которыя не могутъ не отразиться и на положеніи вопроса о Польшѣ. Тогда въ Польшѣ нуждались, и воюющія державы каждый разъ наряду съ обѣщаніемъ или утвержденіемъ тѣхъ или иныхъ правъ поляковъ обращались съ просьбой и даже съ требованіемъ весьма реальныхъ услугъ и компенсацій: срединныя имперіи въ объявленіи государственной самостоятельности нашли доводъ за право производить наборъ среди жителей Царства Польскаго, и даже Временное Правительство въ своемъ манифестѣ взываетъ къ помощи поляковъ въ войнѣ. Но теперь вопросъ борьбы на восточномъ фронтѣ уже разрѣшился, цѣна польской помощи—падаетъ, и до извѣстной степени польскій вопросъ опять превращается въ вопросъ внутренній, разрѣшаемый однимъ Берлиномъ. Кромѣ того, сама проблема самостоятельности нынѣ пріобрѣтаетъ совершенно иной характеръ, ибо только опытъ войны и результаты ея могутъ вполнѣ опредѣлить требованія, предъявляемыя нынѣ къ государственной организаціи для того, чтобы она могла быть дѣйствительно самостоятельной. Если и раньше польскіе политическіе дѣятели въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ реальныхъ условій сами снимали съ очереди вопросъ о самостоятельности Польши, то и теперь трезвый анализъ можетъ показать такія трудности самостоятельнаго бытія, что заставитъ искать разрѣшенія національной проблемы инымъ путемъ. Вѣдь свобода Польши рождается нынѣ не какъ международная проблема, а въ порядкѣ доброй воли одной державы. Это накладываетъ трагическій оттѣнокъ на условія этого рожденія, и невольно припоминается разсказъ о вѣщемъ снѣ Ѳаддея Чацкаго, одного изъ видныхъ дѣятелей на нивѣ польскаго просвѣщенія въ началѣ прошлаго столѣтія, къ которому явился отецъ и съ горечью, махнувъ рукой, сказалъ: «Польша будетъ, будетъ... Да только лучше, чтобы ея не было»!

Поляки добиваются не только освобожденія и самостоятельности Польши, но также объединенія Польши. Три части ея, жившія въ различныхъ условіяхъ, одинаково тоскуютъ о своемъ соединеніи. Но имѣются ли шансы на подобное объединеніе?

Прежде всего встаетъ вопросъ о Германской части Польши, о Познани, германизація которой доставила столько огорченій

всенѣмецкимъ патріотамъ, а полякамъ дала возможность вписать одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ въ міровой исторіи борьбы національности за свои права. Уступка этой территоріи полякамъ при нынѣшнихъ условіяхъ крайне маловѣроятна, особенно если припомнимъ, что польскія земли имѣютъ богатѣйшія въ мірѣ каменноугольныя копи, снабжающія углемъ всю восточную Германію и Берлинъ и находящіяся преимущественно въ рукахъ нѣмецкихъ предпринимателей. Кромѣ того поляки населяютъ земли западной Пруссіи вдоль русла рѣки Вислы. Уступка ихъ Польшѣ отрѣзала бы Германію отъ полуторамиліонной чисто нѣмецкой провинціи и создала бы государственную черезполосицу, совершенно недопустимую съ точки зрѣнія германскихъ интересовъ. Гораздо вѣроятнѣе другая версія, что граница Польши будетъ отодвинута еще дальше на востокъ и промышленный районъ Лодзи перейдетъ къ Германіи, которая придвинется вплотную къ столицѣ, Варшавѣ. Лишь полный разгромъ Германіи открывалъ бы надежду на созданіе самостоятельной Польши „ocalonej" съ сѣверо-западной стороны. Точно также слабы надежды на то, что доля Австріи съ Краковомъ возсоединится съ Ц. Польскимъ. Даже двусмысленное выдѣленіе Галиціи, прокламированное австрійскимъ императоромъ въ письмѣ премьеру Керберу, вѣроятно будетъ ликвидировано и такъ или иначе сведено на-нѣтъ. За возсоединеніе Польши нужна еще упорная борьба. Борьба съ кѣмъ? И опираясь на кого?

Не вполнѣ благопріятно складывается положеніе и на восточной границѣ: тяжба польско-русинская въ Галиціи и польско-украинская въ Холмщинѣ имѣютъ немалый удѣльный вѣсъ въ совокупности польскихъ политическихъ вопросовъ, и застарѣлая, десятилѣтіями создавшаяся вражда грозитъ тяжкими осложеніями уже при размежеваніи границъ. Вѣдь Холмскій вопросъ создало не правительство, а сами украинцы подняли его; но если третейское мнѣніе русскаго прогрессивнаго общества здѣсь встало скорѣе на сторону поляковъ и оппозиціонная часть 3-ей Государственной Думы присоединилась къ позиціи польскаго коло, то въ Галиціи соотношеніе моральной силы—иное, и сами поляки упрекаютъ своихъ сородичей въ „польскомъ гакатизмѣ". Сравнительно отчетливая этнографическая граница между литовцами и поляками все же обострена польско-литовской распрей, сказавшейся между прочимъ съ особенной рѣзкостью по вопросу

о назначеніи епископа Сейненской епархіи, при чемъ споръ былъ вынесенъ даже за предѣлы Литвы и Польши (петиція литовцевъ, живущихъ въ Америкѣ, къ престолу папы). И если поляки, ссылаясь на историческую связь съ Литвою, на свои культурныя заслуги, на свои потери внутри литовскаго края, склонны будутъ претендовать на всю территорію Сувалкской губ., естественно ограниченной рѣкой Нѣманомъ, то литовцы припомнятъ процессъ ополяченія, который, несомнѣнно, имѣлъ мѣсто на границахъ Литвы и Польши, и внесутъ къ этнографическимъ признакамъ историческіе коррективы.

Такимъ образомъ, для Польши actio finium regundorum тоже грозитъ немалыми осложненіями, и при отсутствіи надеждъ на уступчивость на западѣ силы Польши естественно будутъ направлены на востокъ. Польская ирридента въ Пруссіи и Австріи будетъ, вѣроятно, компенсирована ирридентой украинской и литовской на востокѣ.

При этихъ наиболѣе вѣроятныхъ границахъ естественное государственное цѣлое не получается. Свободная и самостоятельная Польша будетъ занимать среднее теченіе и восточную часть бассейна р. Вислы, но попрежнему будетъ отрѣзана отъ ея устья, отъ выхода къ морю. Не говоря о лозунгѣ «отъ моря до моря», который составлялъ не только изжитое историческое воспоминаніе, но и ощущеніе извѣстной экономической необходимости, море фактически будетъ отдалено отъ Польши, такъ какъ въ рамкахъ русской государственности выходъ къ морю былъ, и экономически край имѣлъ всѣ условія для развитія, къ сожалѣнію, стѣсненныя бюрократической централизацiей и національизмомъ власти.

Наличіе государственной границы на западѣ и открытый просторъ на востокѣ закрывало Польшу отъ наплыва товаровъ высоко-развитой промышленности Германіи и, какъ это общеизвѣстно, заставило нѣмецкихъ капиталистовъ, а отчасти и польскихъ основать центры промышленности въ границахъ Польши, около каменнаго угля, въ районахъ Лодзи, Петрокова и Варшавы. Эта промышленность, по существу германская, но находившаяся на территоріи Царства Польскаго, была разсчитана на сбытъ отнюдь не въ одной Польшѣ, но и во всей Россіи. Для края это было большимъ плюсомъ, такъ какъ только въ этой части Польши развилась промышленность, и излишекъ

населенія находилъ себѣ примѣненіе на фабрикахъ. Но эта промышленность существовала въ значительной степени лишь потому, что была прикрыта искусственной плотиной отъ Германіи и имѣла свободный доступъ въ громадные рынки всей Россіи. Анализъ экономическаго положенія страны былъ вызванъ споромъ объ автономіи Царства Польскаго. Противники автономіи указывали, что новое устройство края должно быть соединено съ установленіемъ таможенной границы на востокѣ. Соотвѣтствующіе подсчеты показали, что, дѣйствительно, установленіе таможенной границы между Царствомъ Польскимъ и остальной Россіей невыгодно и для Россіи и для Польши и принесетъ выгоды только для Германіи. Конечно, эти подсчеты, при всей ихъ обстоятельности, не могли поколебать стремленія поляковъ къ автономіи, ибо всѣ раздѣляли соображенія Вл. Жуковскаго, что нѣкоторыя потери въ торговомъ балансѣ съ лихвой окупятся правильной хозяйственно-экономической политикой новой краевой власти. Но теперь, если промышленные округа Лодзи перейдутъ къ Германіи, то передъ ихъ дальнѣйшимъ развитіемъ и даже существованіемъ встанутъ весьма серьезныя препятствія въ видѣ свободной конкурренціи другихъ промышленныхъ центровъ Германіи; лишь дешевизна польскихъ рабочихъ рукъ можетъ создать основу для ихъ дальнѣйшаго процвѣтанія. Между тѣмъ Польша въ своихъ новыхъ границахъ не будетъ въ состояніи создать новые промышленные центры, такъ какъ для этого не окажется благопріятныхъ условій—ни угля, ни желѣза, ни обширныхъ рынковъ, которые будутъ отрѣзаны государственными границами. Такимъ образомъ самостоятельная и обособленная Польша осуждена навсегда остаться страной, вывозящей только сырье.

Проведеніе государственной границы на востокѣ имѣетъ еще одно значеніе. Въ рубрикахъ національныхъ богатствъ, stanu posiadania, Польши далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ активъ поляковъ въ правобережной Украинѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Литвѣ. Богатыя помѣстья и цѣлая система культурно-экономическихъ позицій давали польскому элементу весьма значительное вліяніе. Не только крупное землевладѣніе находится въ рукахъ поляковъ, но ими пропитанъ весь руководящій финансово-экономическій аппаратъ этихъ областей. Въ нездоровыхъ условіяхъ русской общественной жизни эти вліянія часто про-

являлись въ формахъ, раздражающихъ не только украинцевъ, литовцевъ и бѣлоруссовъ, которые въ своей нетерпимости часто забываютъ о той пользѣ, которую культурный польскій элементъ принесъ ихъ странамъ, но и прогрессивную часть польскаго общественнаго мнѣнія. Конечно, нѣкоторыя основы этого вліянія, съ демократической точки зрѣнія осуждены на уничтоженіе, какъ, напр., крупное землевладѣніе. Но все же при бѣдности культурными силами не только бѣлоруссовъ, но также украинцевъ и литовцевъ польскій элементъ въ порядкѣ мирнаго и братскаго сожительства получаетъ поле широкой творческой, созидающей работы. Отдѣленіе этнографической Польши отъ этихъ широкихъ областей польскаго вліянія, связанное съ обостреніемъ національныхъ распрей, не вызывается для поляковъ рѣшительно никакими соображеніями. Проведеніе восточной границы съ точки зрѣнія реальныхъ политическихъ интересовъ Польши—это то, съ чѣмъ надо бороться всѣми силами, а отнюдь не вѣнецъ національныхъ стремленій.

Въ виду неопредѣленности географической границы Польши весьма трудно опредѣлить ея стратегическое положеніе. Во всякомъ случаѣ оно будетъ таково, какъ было до войны, когда вся сила русской арміи совмѣстно съ силами самого края казались недостаточными для защиты его, и даже линія крѣпостей на Вислѣ, создаваемая усиліями и напряженіемъ средствъ всей имперіи, не представлялась обезпечивающей стратегическія судьбы страны. Теперь новому государству надлежитъ рѣшить вопросъ о своей защитѣ самостоятельно и при томъ не только въ западномъ направленіи, но и въ восточномъ—вѣдь польско-украинскій вопросъ наполнялъ кровавыми эпизодами цѣлые вѣка въ прошломъ, и нѣтъ гарантій, что онъ снова не приметъ формъ хронически вспыхивающей вооруженной борьбы. Между тѣмъ даже въ предѣлахъ объединенной Польши получается возможность созданія постоянной арміи лишь въ 160 т. человѣкъ, въ то время какъ государственная граница будетъ имѣть протяженіе около 2.000 верстъ, не имѣя съ запада никакихъ естественныхъ рубежей, при чемъ столица и наиболѣе цѣнные центры находятся какъ разъ въ западной части страны. Полная беззащитность со стороны Германіи, а тѣмъ болѣе со стороны новаго образованія—Срединной Европы, съ трехъ сторонъ охватывающей Польшу—вотъ краткій итогъ стратегической оцѣнки положенія страны.

Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что здѣсь мы намѣчаемъ только трудности и тяготы, которыя новыя государства встрѣтятъ на своемъ пути. И быть можетъ въ нѣкоторомъ отношеніи это напоминаетъ совѣты трезвыхъ пожилыхъ людей молодой парѣ, горящей желаніемъ повѣнчаться; обыкновенно вся статистика и выкладки пожилыхъ пессимистовъ, при всей ихъ объективной безупречности, оказываются субъективно неправильными, и сила чувства, страсти не только заставляетъ забыть голосъ благоразумія, но создаетъ новыя возможности, которыхъ предусмотрѣть никто, кромѣ интуиціи и сильной воли, не можетъ. И, несомнѣнно, Польша болѣе другой страны въ правѣ полагаться не только на статистическіе разсчеты, но и на интуицію и жизненный инстинктъ своихъ вождей. Она единственная изъ всѣхъ странъ, кромѣ Великороссіи, будетъ обладать не только зеленой патріотически настроенной молодежью, но и кадромъ испытанныхъ государственныхъ дѣятелей, имѣющихъ твердыя національныя традиціи, прекрасно знакомыхъ съ механизмомъ современнаго государственнаго управленія: даже враги и противники отдаютъ дань умѣнію польскаго коло въ Государственной Думѣ пользоваться всѣми средствами парламентской борьбы, и вліяніе коло было всегда значительно превышающимъ численный вѣсъ депутатовъ, входящихъ въ его составъ. Ни въ интеллигентныхъ работникахъ, ни въ культурныхъ навыкахъ и средствахъ не будетъ недостатка въ этой истинно-европейской странѣ. Но неустанная и долгая работа мысли, иллюзіи, которыя безжалостно разсѣялись, надежды, которыя не оправдались, мечты — разбившіяся о суровую реальность—научили поляковъ національный энтузіазмъ соединять съ холоднымъ разсчетомъ. И не потому ли мы видѣли въ Польшѣ тяготѣніе къ Россіи—часто только разсудочное, подчасъ кажущееся неискреннимъ, но подчасъ полное энтузіазма. И нынѣ, въ резолюціи Кіевскаго съѣзда поляковъ мы видимъ, что наиболѣе отвѣтственныя партіи отнюдь не склонны привѣтствовать всякую самостоятельность Польши, но требуютъ опредѣленныхъ условій и право борьбы предпочтутъ праву водрузить въ Варшавѣ общипаннаго одноглаваго орла.

Отмѣчая трудности, съ которыми встрѣтится новое государство, мы должны и тутъ напомнить о внутреннихъ неурядицахъ. Соціальныя противорѣчія сказались уже въ очень

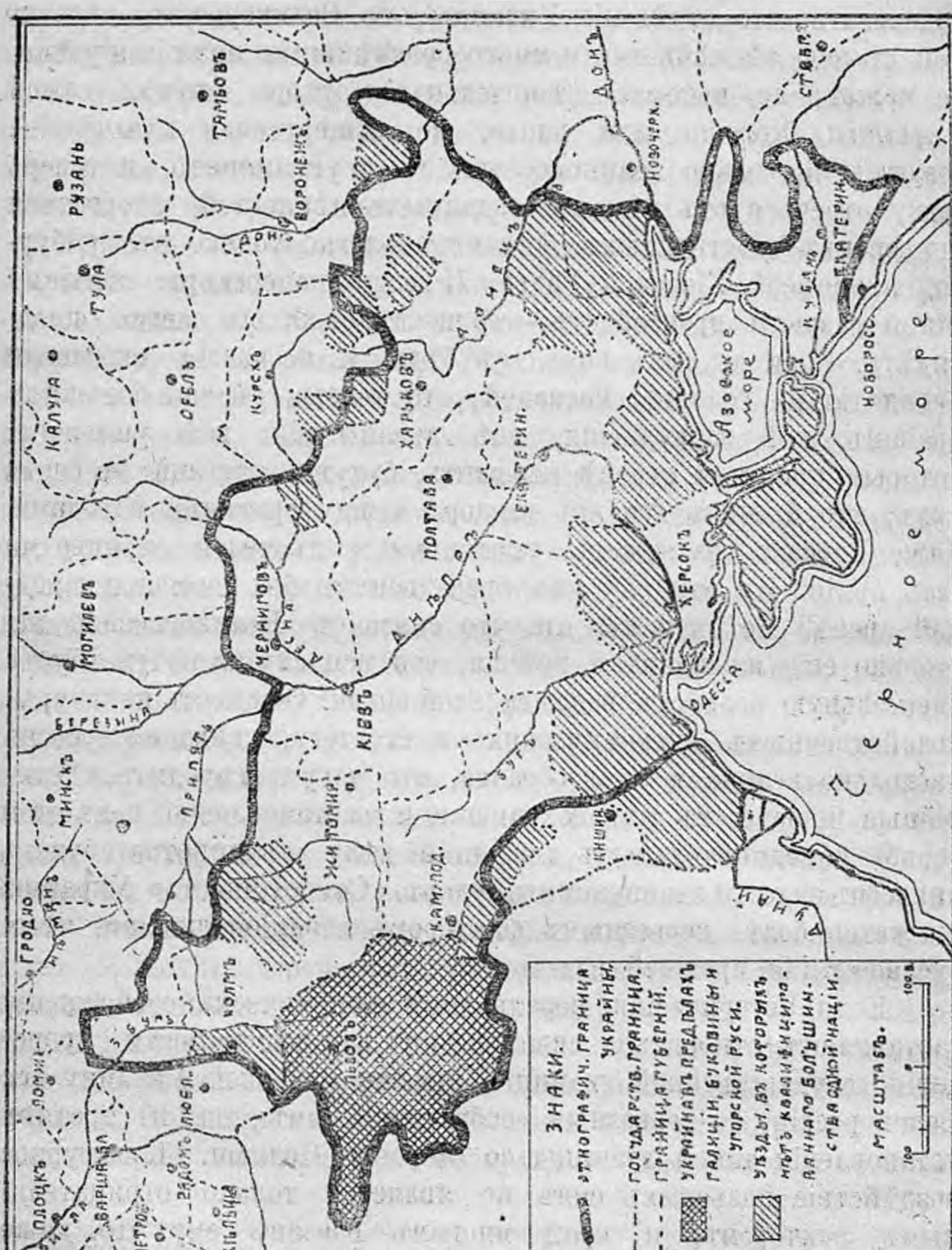
серьезной формѣ—не даромъ Р. Дмовскій такъ ужасался передъ русской заразой, анархизмомъ, охватывающимъ польскіе рабочіе круги. Сецессія демократіи на первомъ военномъ съѣздѣ поляковъ и полная невозможность народовцевъ столковаться не только съ PPS., но и съ прогрессистами извѣстны всѣмъ.

Украина. [1]) Безконечно трудны условія образованія украинскаго государства въ этнографическихъ границахъ. У насъ нѣтъ данныхъ объ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ разрѣшеніе вопроса о южно-русскихъ областяхъ Австріи, о судьбѣ Львова, этой колыбели украинства. Но, предполагая даже вполнѣ благопріятное положеніе этого вопроса со стороны Австріи, должны замѣтить, что въ прежней силѣ остается украинско-польская вражда. Далѣе, мы уже говорили о размежеваніи съ бѣлоруссами. Но наиболѣе трудный вопросъ—разграниченіе съ великоруссами, этническая граница съ которыми недостаточно изучена и, быть можетъ, недостаточно опредѣленна по существу, такъ какъ великорусскій элементъ широкими струями вливается въ самую гущу украинства, составляя значительный процентъ городского населенія. Кромѣ того, великорусскій элементъ очень силенъ по всему побережью Чернаго моря, гдѣ украинцы составляютъ неквалифицированное (менѣе 2/3), а иногда только относительное большинство, и передъ Украиной, на другой день послѣ установленія государственной границы встанетъ вопросъ о національномъ завоеваніи, объ украинизаціи городовъ и побережья Чернаго моря.

---

[1]) Очертаніе этнографической границы Украины заимствованы нами изъ изданія «Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ» т, II. 1916 г. и въ части, проходящей по территоріи прежней Россіи свѣрены съ данными переписи 1897 года, на основаніи которыхъ граница и опредѣлена. Въ предѣлахъ Россіи Украинцы занимаютъ цѣликомъ Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую, Екатеринославскую, Харьковскую и Херсонскую губерніи (и выдѣленную Холмскую губ., что впрочемъ вызываетъ извѣстныя возраженія со стороны поляковъ); кромѣ того Брестскій и Кобринскій у. Гродненской губ., всѣ уѣзды Черниговской, кромѣ Суражскаго, Мглинскаго Стародубскаго и Новозыбковскаго у., Путивльскій, Суджанскій, Грайворонскій и Новооскольскій у. Курской губ., Бирючинскій, Богучарскій, Валуйскій, Острогожскій у. Воронежской губ., Таганрогскій у. Области Войска Донскаго, Екатеринодарскій, Ейскій и Темрюкскій у. Кубанской о. и Хотинскій у. Бессарабской г. Въ означенныхъ предѣлахъ по даннымъ переписи 1897 г. изъ общаго количества 28.466.901 жителей было украинцевъ—19.482 т., русскихъ—4.248 т., евреевъ—2.037 т., нѣмцевъ 508 т. и поляковъ—461 т. Въ южно-русскихъ областяхъ Галиціи мы находимъ изъ общаго количества населенія въ 4.700 т. — 3.150 т. украинцевъ, въ украинской части Буковины изъ 440 т. жителей—290 т. украинцевъ и въ украинской части Угорской Руси около 500 т. украинцевъ.

Украина въ этнографическихъ границахъ.

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу, который нельзя характеризовать ни числомъ, ни мѣрой. Но чувство реализма, не заслоненное ненавистью и историческими обидами, должно подсказать, что отдѣленіе Украины отъ Великороссіи, связанной съ нею тѣснѣйшими и многообразнѣйшими нитями и узами, не можетъ не вызвать рѣшительнаго отпора внутри самой Украины. Хорошо или плохо, но общерусская культура—созданіе не только великороссовъ, но и украинцевъ, и теперь сразу отречься отъ вѣками созданныхъ цѣнностей, оторваться отъ своихъ собственныхъ богатствъ—легко только въ сумбурной атмосферѣ Кіевской Рады. И если наперекоръ стихіямъ такой разрывъ произойдетъ,—то послѣдствія его легко предвидѣть. Если до сихъ поръ всѣ бѣды и несчастія вызывали проклятія на головы «москалей», то теперь, съ еще большимъ правомъ, всѣ затрудненія, всѣ препятствія, всѣ униженія, которыя придется странѣ пережить, будутъ отнесены на счетъ тѣхъ, кто бросилъ лозунгъ раздора между братними народами. Даже Рорбахъ называетъ украинскихъ дѣятелей офицерами безъ арміи. Не рано ли имъ бросаться въ бой на международной аренѣ? Не окажется ли, что связь съ Великороссіей настолько еще жизненна и крѣпка, что вся страна почувствуетъ смертельную боль отъ разрыва этой связи? Общность культуры, хозяйственныхъ, экономическихъ и стратегическихъ интересовъ настолько велика и многообразна, что могутъ народиться стихійные порывы къ ихъ сохраненію и возстановленію, и въ этой борьбѣ объединительныхъ тенденцій дѣлу украинства будетъ нанесенъ надолго непоправимый ударъ. «Самостійность» Украины окажется болѣе серьезнымъ факторомъ денаціонализаціи, чѣмъ руссификація прежней власти.

Если историческія, моральныя и экономическія соображенія заставляютъ относиться скептически къ возможности проведенія государственной границы, отмежевывающей Украину отъ Великороссіи, то серьезныя соображенія имѣются и противъ установленія такой границы со стороны Польши. Культурное воздѣйствіе польскихъ силъ не является только отрицательнымъ факторомъ, и край многимъ обязанъ ему. Но, даже признавая польскій элементъ вреднымъ и ставя уничтоженіе польскаго крупнаго землевладѣнія на ряду наиболѣе назрѣвшихъ соціальныхъ задачъ, слѣдуетъ думать, что осуществленіе этой

задачи, гдѣ принципъ демократизма пересѣкается съ принципомъ національнымъ, гдѣ интересы крестьянъ и помѣщиковъ сталкиваются не только какъ интересы двухъ классовъ, но и двухъ націй, значительно легче былъ бы полюбовно рѣшенъ въ порядкѣ внутренней проблемы одного государственнаго цѣлаго, а не въ формѣ международныхъ осложненій, такъ какъ теперь онъ будетъ связанъ съ конфискаціей земель подданныхъ иностранныхъ государствъ... Невыгоды для крестьянъ такого усложненія аграрной проблемы очевидны.

Судить объ экономическомъ положеніи самостоятельной Украины трудно за отсутствіемъ достаточно обстоятельныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, прямо или косвенно имѣвшихъ въ виду возможность выдѣленія Украины въ нынѣшнихъ предѣлахъ въ самостоятельное государственное цѣлое. О самостоятельности Украины, если не считать нѣсколькихъ горячихъ головъ въ Львовѣ, отъ которыхъ открещивались сами украинцы, впервые серьезно заговорилъ, если не ошибаемся, Рорбахъ, который приводитъ и успокаивающія соображенія относительно экономическихъ перспективъ самостійной Украины. Однако, насколько этотъ вопросъ еще представляется темнымъ, мы можемъ судить по тому обстоятельству, что двѣ небольшія работы, посвященныя этому вопросу, статьи Гехтера и Стасюка [1]) даютъ противоположныя, другъ друга уничтожающія показанія. Гехтеръ радужно утверждаетъ, что Украина не только житница Россіи, но и складъ мяса, ртути, глины, желѣзной руды, чугуна, стали, каменнаго угля, свеклы и сахара, и что Россія не можетъ существовать безъ Украины. Стасюкъ оспариваетъ самый методъ работы Гехтера, и путемъ анализа данныхъ о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ (несомнѣнно, единственно правильный путь изслѣдованія) приходитъ къ совершенно инымъ выводамъ, что Украина является не складомъ сырья, а рынкомъ для обрабатывающей промышленности Великороссіи и Польши; при этомъ Стасюкъ подчеркиваетъ, что преувеличенный оптимизмъ и неоправдываемая фактами оцѣнка

[1]) Гехтеръ. «Значеніе Украины въ экономической жизни Россіи», кн. IX. «Літературно-Наукового Вістника» за 1909 г. Стасюкъ. «Экономическія отношенія Украины къ Великороссіи и Польшѣ» въ «Запискахъ Украинскаго Наукового Товарищества въ Киіві» за 1911 г. VII и IX книга. См. К. Оберучевъ, «Къ вопросу объ экономическомъ отношеніи Украины къ Великороссіи и Польшѣ», въ «Украинской Жизни» 1912, № 3.

украинской экономической действительности опасны для пониманія тѣхъ интересовъ Украины, коими должно направляться украинское національное движеніе. Предостерегающій голосъ, который особенно умѣстно вспомнить теперь!

Но если бы даже благодатная почва, южный климатъ, богатство каменнаго угля и желѣза заставили признать, что отдѣленіе отъ Великороссіи составляетъ ущербъ лишь для послѣдней, а для Украины сулитъ лишь благо, то спрашивается: будетъ ли сила защищать эти естественныя богатства? Въ аппетитахъ на нихъ недостатка не будетъ. И военный вопросъ опять вноситъ мрачные коррективы въ эту идиллическую картину богатаго склада угля, желѣза и хлѣба. Рорбахъ утверждаетъ, что лишь соединеніе Украины съ Москвой давало силу для широкихъ завоевательныхъ плановъ. Но о завоевательныхъ планахъ теперь говорить не приходится, и неоспоримо, что при раздѣленіи Украины и Великороссіи исчезаетъ какая бы то ни была возможность обороны.

Украинская держава въ этнографическихъ границахъ будетъ на протяженіи около 4.500 верстъ соприкасаться со слѣдующими сосѣдними государствами: Румыніей, Австріей, Польшей, Бѣлоруссіей, Великороссіей, быть можетъ Кавказомъ, и кромѣ того будетъ имѣть на значительномъ протяженіи границу по побережью Азовскаго и Чернаго морей (если не считать Крыма [1]), о судьбѣ котораго трудно высказаться даже предположительно). Главная опасность будетъ грозить со стороны срединныхъ имперій, съ которыми Украина столкнется не только на западной сухопутной границѣ, но и въ Черномъ морѣ, а, быть можетъ, и на Кавказѣ, и со стороны Великороссіи. Оба эти предполагаемые противника рѣшительно превосходятъ силами Украину. При такомъ положеніи вещей придется съ нѣкоторой тревогой озираться на другихъ сосѣдей и на 15-ти-милліонную Польшу, и на 10-ти-милліонную Бѣлоруссію, которыя тоже будутъ непрочь въ случаѣ какихъ либо затрудненій Украины силой оружія урегулировать тотъ или иной изъ наболѣвшихъ вопросовъ. Между тѣмъ, численность постоянной

---

[1]) На территоріи Крыма, обнимающей Симферопольскій, Евпаторійскій, Перекопскій, Ялтинскій, Феодосійскій у. и Керчь-Еникальское и Севастопольское град-ство Таврической. губ по переписи 1897 г. числилось всего 546.592 жителей, изъ коихъ 180.963 великоросса, 193.294 татаръ и 63.703 украинцевъ.

арміи, которую сможетъ держать Украина—200—300 тысячъ. Кромѣ того, въ случаѣ столкновенія съ сѣвернымъ противникомъ на великорусскій элементъ трудно будетъ разсчитывать, особенно послѣ установленія нормальнаго человѣческаго быта въ Московскихъ областяхъ. Дальнѣйшей военной проблемой является оборона морского побережья. Большое значеніе могло бы пріобрѣсти осуществленіе проекта В. Д. Менделѣева (сына Д. И. Менделѣева) о поднятіи уровня Азовскаго моря запрудой; но это потребуетъ значительныхъ затратъ времени, а кромѣ того обусловлено обладаніемъ Крымомъ, что, повидимому, вовсе не обезпечено. Созданіе же и поддержаніе флота, который могъ бы господствовать на Черномъ морѣ—потребуетъ чрезмѣрнаго финансоваго напряженія. Созданіе флота возможно лишь при финансовой поддержкѣ со стороны чужой державы. Но кто можетъ оказывать эту помощь? Во всякомъ случаѣ, не срединныя Имперіи, которыя предпочтутъ тратить деньги на свой собственный флотъ, а не флотъ своего возможнаго противника и соперника на Черномъ морѣ.

Культурные рессурсы опять таки значительно отстаютъ отъ потребностей. Недолгій опытъ организаціи власти показалъ, что даже центральный аппаратъ трудно обезпечить чисто украинскими силами, и для этого необходимо привлеченіе силъ другихъ національностей. Изъ всѣхъ національностей Россіи украинцы, изъ жизни которыхъ политика власти вычеркнула послѣднихъ сорокъ лѣтъ, даютъ наибольшій процентъ неграмотныхъ, такъ какъ даже обучившіеся грамотѣ въ русской школѣ забывали ее (рецидивъ безграмотности особенно силенъ среди украинцевъ). Кадры украинской интеллигенціи—крайне ничтожны, такъ какъ ихъ до сихъ поръ поглощала великорусская стихія, и нуженъ значительный промежутокъ времени, чтобы остановить этотъ процессъ денаціонализаціи и смѣнить его обратнымъ процессомъ украинизаціи. Вѣдь ростъ великорусскаго или вѣрнѣе русскаго вліянія опирался и на естественныя условія богатства культуры. Вѣдь и теперь въ Украинѣ приходится судить по русскимъ законамъ. Самъ «ясновельможный» гетманъ, какъ сообщали газеты, не владѣетъ языкомъ страны, которой онъ управляетъ и самостійность коей онъ долженъ осуществлять.

Финляндія. [1]) Сравнительно безспорнымъ представляется вопросъ относительно Финляндіи, которая до сихъ поръ не теряла признаковъ самостоятельнаго государственнаго цѣлаго. Правда, восточная граница въ этнографическомъ смыслѣ можетъ представить нѣкоторыя трудности, но едва ли онѣ—при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ—явятся непреодолимыми.

Экономическая самостоятельность Финляндіи подчеркнута таможенной границей съ имперіей и тѣмъ фактомъ, обратившимъ сугубое вниманіе русскихъ націоналистовъ, что даже пищевые продукты она получала въ значительной долѣ не изъ Россіи, а изъ Германіи, [2]) чему, впрочемъ, въ значительной степени способствовало отсутствіе прямого желѣзнодорожнаго транспорта. Въ культурномъ отношеніи Финляндія жила своей особой жизнью, болѣе почерпая изъ скандинавскихъ странъ, изъ Швеціи, чѣмъ изъ Россіи.

Въ стратегическомъ отношеніи Финляндія имѣетъ, въ сущности, только одного сухопутнаго противника—Великороссію и одного морского—Германію, для которой, съ уничтоженіемъ русскаго балтійскаго флота, открыты всѣ побережья Ботническаго и Финскаго заливовъ. Повидимому, сознаніе великорусской опасности вызываетъ стремленіе финляндскихъ государственныхъ дѣятелей возможно шире использовать трудное положеніе Великороссіи въ настоящее время, занять всю русскую часть такъ называемой Фенно-Скандіи и обезпечить себя естественными рубежами, не останавливаясь даже передъ захватомъ всего Мурмана. Но такое положеніе, конечно, не могло бы остаться и лишь ускорило бы конфликтъ съ Великороссіей, которая не можетъ допустить, чтобы единственный выходъ въ океанъ былъ у нея захваченъ, и при томъ безъ всякаго оправданія, ни національнаго, ни историческаго. Новое

[1]) Къ исходу 1910 года въ Финляндіи на территоріи въ 377.426 кв. клм. населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Родной языкъ.	Въ городахъ	Въ селеніяхъ.	Всего.
Финскій	314.884	2.256.261	2.571.145
Шведскій	107.955	231.006	338.961
Русскій	2.323	5.016	7.339
Нѣмецкій	1.587	207	1.794
Прочіе	162	1.796	1.978
Всего	426.911	2.494.286	3.115.197

(«Статистическій Ежегодникъ Финляндіи». 1916).

[2]) В. И. Денисовъ, «Экономическое завоеваніе Германіей Финляндскаго рынка», СПБ. 1911.

государство не сможетъ организовать прочную оборону далекихъ отъ центра рубежей, и тутъ Великороссіи будетъ безусловно обезпеченъ успѣхъ. Но съ удержаніемъ Мурмана Россіей и заселеніемъ его, съ проведеніемъ дорогъ вся восточная граница Финляндіи окажется подъ ударомъ. Никакихъ мѣстныхъ ресурсовъ не можетъ хватить для защиты 3 милліоннаго народа отъ 100 милліоннаго на протяженіи тысячеверстной границы.

Вотъ почему крайне прискорбной съ точки зрѣнія будущности Финляндіи является дикая вспышка ненависти къ русскимъ, которая можетъ русско-финляндскую распрю, поставленную на очередь русской бюрократіей, превратить въ распрю народовъ. Не надо забывать, что на сѣверъ оттолкнута вся стихія великорусской жизни, и тутъ она въ короткое время въ состояніи будетъ сдѣлать чудеса. Предостереженіемъ финскимъ дѣятелямъ можетъ служить тотъ фактъ, что финская миссія, пріѣхавшая въ Берлинъ добиваться признанія независимости Финляндіи, получила тамъ совѣтъ сперва сговориться съ Россіей.

Вообще въ дѣйствіяхъ Финляндіи съ момента русской революціи не видно, какъ правильно отмѣтилъ бар. Б. Э. Нольде, прежней выдержки [1]), и замѣчается небывалая прежде склонность къ авантюрамъ, которая отчасти объясняется желаніемъ отвлечь вниманіе отъ внутреннихъ вопросовъ. Такіе проекты, какъ овладѣніе Мурманомъ, являются чистымъ безразсудствомъ. Вѣдь переходъ Мурмана въ руки Финляндіи былъ бы несомнѣннымъ регрессомъ для этого края, такъ какъ не нашлось бы средствъ не только на постройку Мурманской дороги, но даже на ея достройку (замѣна деревянныхъ мостовъ желѣзными и пр.) и даже на ея эксплоатацію, и одно изъ самыхъ интересныхъ и полезныхъ предпріятій послѣднихъ десятилѣтій можетъ погибнуть исключительно изъ-за того, что перейдетъ въ чужія и чуждыя руки.

При оцѣнкѣ условій независимаго существованія Финляндіи нельзя также забывать и внутренней смуты, достигшей въ ней исключительнаго напряженія. «Красный сеймъ», борьба бюргерскихъ партій съ соціалистами, борьба «краснаго правительства» съ сенатомъ являются лишь эпизодами въ общемъ

---

[1]) Проф. бар. Б. Э. Нольде. «Независимая Финляндія» въ журналѣ «Международная политика и міровое хозяйство» № 5.

развитіи внутреннихъ соціальныхъ противорѣчій, отнюдь не устраненныхъ германской оккупаціей и не рѣшаемыхъ установленіемъ той или иной формы правленія.

Кавказъ. Смѣсь племенъ и нарѣчій Кавказа [1]) является почти непреодолимымъ препятствіемъ организаціи независимаго управленія. Кавказъ не имѣетъ націи, способной создать его государственную самостоятельность; въ немъ одномъ, какъ въ каплѣ воды, повторяются всѣ національныя трудности всей Россіи, лишь ухудшенныя тѣмъ, что нѣтъ ни одной націи, которая занимала бы такое уравновѣшивающее, доминирующее положеніе, какъ великороссы въ Россіи. Размежеваніе армянъ, татаръ и грузинъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры и съ весьма различной классовой организаціей, обостренное застарѣвшими національными распрями, углубленными религіознымъ фанатизмомъ, южнымъ несдержаннымъ темпераментомъ, сосѣдствомъ азіатскихъ государствъ—Персіи и Турціи,—грозитъ длительными потрясеніями края и не сулитъ никакой

---

[1]) По даннымъ переписи 1897 года въ 11 губерніяхъ Кавказа изъ общаго числа жителей 8.888.744 было 33,94% русскихъ, 14,33% картвельскихъ племенъ (грузины, имеретинцы, мингрельцы, сванеты), 12,04% армянъ, 4,04% иранскихъ племенъ (персы, таты, курды, осетины), 1,53% черкесъ (кабардинцы, черкесы), 3,72% чеченцевъ (абхазцы, чеченцы, ингуши), 6,46% лезгинъ (аваро-андійцы, даргинцы, кюринцы, утинцы, казикумыки и пр.), 19,36% турко-татаръ (татары, кумыки, ногайцы, турки). См. Б. Ишханянъ «Народности Кавказа», 1917 г.

Въ Сѣверномъ Кавказѣ (Ставропольская губ., Кубанская и Терская области) подавляющее большинство р у с с к і е. Закавказье представляетъ значительную пестроту населенія. Наиболѣе сосредоточенно расположены г р у з и н ы (картвельскія племена), занимая Сигнахскій, Телавскій, Тіонетскій (Кахетія), Горійскій, Душетскій и Тифлисскій (Карталинія) уѣзды Тифлисской губ., Батумскій округъ и всю Кутаисскую губернію, т. е. уѣзды Кутаисскій, Рачинскій, Шаропанскій (Имеретія), Озургетскій (Гурія), Лехчумскій, Сенакскій, Зугдидскій (Мингрелія). Въ указанныхъ предѣлахъ грузинская территорія насчитываетъ 1.593 т. жителей, изъ коихъ 1.266 т. грузинъ. А р м я н е территоріально расположены значительно менѣе благопріятно. Обычно территорія русской Арменіи принимается въ слѣдующихъ предѣлахъ: вся Эриванская губ., западная, нагорная и предгорная часть Елизаветпольской губ., Карсскій и Кагызманскій у. Карсской области и Ахалкалакскій, Борчалинскій и Ахалцыхскій у. Тифлисской губ. О пестротѣ состава населенія Арменіи въ этихъ предѣлахъ можно судить по тому, что въ центрѣ ея, Эриванской губ., армяне составляютъ всего 53% населенія, при чемъ, если брать по уѣздамъ, то большинство армянъ имѣется только въ трехъ уѣздахъ изъ семи (Александропольскомъ, Ново-Баязетскомъ и Эчміадзинскомъ); въ остальныхъ же уѣздахъ абсолютное большинство принадлежитъ татарамъ; въ Карсскомъ и Кагызманскомъ округахъ армяне составляютъ лишь относительное большинство населенія (35 и 37%), живя въ перемежку съ турками и другими племенами. Т а т а р ы составляютъ большинство въ Бакинской губ., во всей Елизаветпольской, кромѣ Шушинскаго у., въ Эриванскомъ, Нахичеванскомъ, Сурмалинскомъ и Шаруро-Дарлинскомъ у. Эриванской губ. Л е з г и н ы составляютъ большинство въ Дагестанской обл.; т у р к и въ Ольтынскомъ и Ардаганскомъ округахъ Карсской обл. и Артвинскомъ окр. Батумской области.

Народы Кавказа.

Въ виду крайней черезполосицы въ разселеніи народовъ Кавказа этнографическія границы, указанныя на картѣ, надлежитъ принимать весьма условно, особенно въ настоящее время, когда отходъ русской арміи вызвалъ цѣлое переселеніе народовъ. Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ распредѣленіемъ народовъ Кавказа отсылаемъ къ сочиненію проф. П. И. Ковалевскаго „Кавказъ", т. I, 1914 г. (имѣется въ продажѣ).

политической или экономической устойчивости. Уже короткіе дни самостоятельности Кавказа, въ минуту смертельной опасности, показали, что организація общей власти приводитъ къ всеобщей распрѣ, часто кровавой, безпощадной и безсмысленной.

Что при этихъ условіяхъ можно сказать о другихъ сторонахъ жизни края? Его естественныя богатства на фонѣ слабости будутъ служить только приманкой болѣе сильнымъ сосѣдямъ, его ничтожные стратегическіе рессурсы будутъ уходить на внутреннюю междоусобицу, его внѣшнія опасности будутъ усиливаться призывами изнутри, и страдающій отъ разрухи и экономическаго регресса иностранный капиталъ, являвшійся фактическимъ хозяиномъ Кавказа, найдетъ средства урегулировать вопросъ внутренней жизни помимо пресловутаго «самоопредѣленія народовъ».

Впрочемъ, относительно Кавказа эти предупрежденія являются по меньшей мѣрѣ излишними. Ни армяне, ни грузины, ни тѣмъ болѣе русскіе и не подымали вопроса объ отдѣленіи отъ Россіи, ограничивая свои національныя стремленія исключительно автономіей, при чемъ армяне, вслѣдствіе разбросанности населенія, высказывались лишь за персональную автономію. Лишь катастрофа Россіи, по отношенію Кавказа явившаяся по существу дѣла прямымъ предательствомъ, оставившая Кавказъ беззащитнымъ передъ турецкими бандами, привела къ отдѣленію Кавказа, къ объявленію самостоятельности Грузіи, отдавшейся подъ покровительство Германіи. Но мы въ правѣ разсматривать это лишь какъ чрезвычайныя средства къ спасенію населенія Грузіи и Арменіи отъ физическаго истребленія, ничего общаго съ «сепаратизмомъ» не имѣющія.

Такова получается картина, съ такими перспективами являются на міровую сцену новыя государства. Уже проведеніе государственныхъ границъ въ соотвѣтствіи съ этнографическими рубежами представляется задачей далеко не легкой. Неизбѣжны споры не только изъ-за такихъ центровъ, какъ Вильна и Двинскъ, или стратегическихъ ключей, какъ Нарва, но и изъ-за пунктовъ второстепенныхъ для Россіи, но перво-

степенной важности для новыхъ небольшихъ государствъ, какъ, напр., Валкъ или Сейны. И мы видимъ уже болѣе или менѣе ясно намѣчающіеся контуры безконечнаго ряда «вопросовъ» и распрей. Украинско-польская, украинско-бѣлорусская, бѣлорусско-литовская, бѣлорусско-великорусская, литовско-польская, литовско-латышская, армяно-татарская, армяно-грузинская... Вотъ клавиши для разыгрыванія любыхъ мелодій, конечно, за счетъ новыхъ, враждующихъ между собой государствъ. Въ опытныхъ, способныхъ рукахъ недостатка не будетъ. Правда, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ—старые знакомые; но въ рамкахъ единаго государственнаго образованія споры разрѣшались гораздо легче и правильнѣе, и въ сущности все сводилось къ одной распрѣ всей Россіи съ петербургской бюрократіей; съ разрѣшеніемъ этого спора разрѣшались бы всѣ остальные.

Далѣе мы видимъ разорванные обрывки географическаго цѣлаго, не сулящіе большихъ радостей государствамъ, владѣющимъ устьями рѣкъ безъ ихъ истоковъ, истоками безъ устьевъ, портами, отрѣзанными отъ своихъ экономическихъ бассейновъ, рынками, отрѣзанными отъ своихъ портовъ. Теперь, когда жизнь парализована безмѣрной разрухой войны и внутренней междоусобицы, безжизненное тѣло страны можно рѣзать и кромсать, какъ угодно. Но съ минуты дѣйствительнаго оживленія, какъ только начнется кругооборотъ товаровъ, воскреснетъ финансовая, промышленная и культурная работа, разорванная ткань единаго организма дастъ о себѣ знать мучительною болью, затяжными кризисами, всеобщей депрессіей, отъ искусственно, безсмысленно установленныхъ «государственныхъ границъ». И въ то время, какъ весь міръ, и Германія въ предѣлахъ своей Срединной Европы, и Англо-Саксонскія страны въ предѣлахъ намѣчающейся грандіозной федераціи, будетъ просторно и широко развиваться подъ никогда не заходящимъ солнцемъ, только мы, привыкшіе къ просторамъ, будемъ на каждомъ шагу натыкаться на клѣтки, на загородки, перевитыя колючей проволокой взаимной ненависти и недовѣрія. Прекрасныя перспективы для мірового соперничества, для борьбы за право жить! А въ награду за эти жертвы во имя національнаго максимализма предлагается на выборъ: или сдаться на милость побѣдителя, установивъ никѣмъ и ничѣмъ

не гарантированный нейтралитетъ, или нести невѣроятное бремя финансовыхъ и человѣческихъ жертвъ для организаціи военной силы, безъ всякихъ впрочемъ шансовъ достичь на этомъ пути какихъ-либо замѣтныхъ и цѣнныхъ результатовъ. И эти задачи придется разрѣшать при крайней убогости духовныхъ силъ, подчасъ при національномъ матеріалѣ, не вышедшемъ изъ стадіи первобытной культуры. А гдѣ развитіе выше, тамъ или національныя распри или обострившаяся классовая рознь.

Установленіе независимости новыхъ государствъ часто нельзя даже назвать прыжкомъ въ неизвѣстность. Декларированіе самостоятельности для большинства новыхъ государствъ— низверженіе націи въ пропасть. Въ пламени великаго мірового пожара какъ искры вспыхнули вопросы о самостоятельности— не за тѣмъ ли, чтобы тотчасъ и навсегда уже погаснуть! И все это настолько ясно, что невольно является опасеніе, что о самостоятельности новыхъ государствъ громче всѣхъ и рѣшительнѣе говорятъ не тѣ, кто не понимаетъ реальнаго смысла своихъ словъ, а тѣ какъ разъ, кто прекрасно знаетъ, къ чему это ведетъ. Увлекшись гражданской свободой и высокими идеалами соціальной справедливости, Россія низвергнулась въ пропасть. Неужели идеѣ національной свободы суждено въ наше время тоже явиться въ роли обманчиваго болотнаго огонька?

Реальная цѣнность независимости и государственной обособленности будетъ сказываться съ такой силой, что, прежде образованія самостоятельнаго правительства, прежде обмежеванія государственныхъ границъ, во всѣхъ новыхъ образованіяхъ будетъ поставленъ вопросъ о союзникахъ, о возможныхъ формахъ объединенія съ сосѣдями. Мы имѣемъ даже примѣръ, что литовская національная мысль даже въ прежнее время автономію Литвы связывала съ автономіей Латвіи и въ этихъ только границахъ, дающихъ доступъ къ морю, мыслила свое отдѣльное существованіе. Разобрать всѣ варіанты сочетаній нѣтъ никакой возможности. Достаточно напомнить историческія объединенія Прибалтійскаго края, соединяющаго Эстонію и Латвію, Литовско-Бѣлорусское государство, унію Литвы и Польши, владычество Польши надъ Украиной. Теперь, кромѣ упомянутой идеи соединенія Литвы и Латвіи, мыслимо еще

соединенiе Малороссiи съ Бѣлороссiей. Кромѣ того, возможны сочетанiя не только двухъ нацiй, но и трехъ или больше. Напр., Польша, Литва, Бѣлоруссiя; къ нимъ можетъ присоединиться еще Украина...

Но не стоитъ разбирать въ отдѣльности всѣ случаи и всѣ возможныя формы объединенiя. Предположимъ крайнiй случай—всѣ прежнiя части Россiи—кромѣ Великороссiи, ибо тогда мы опять возвращаемся къ Россiи—соединились и при томъ связали себя наиболѣе крѣпкими узами: отдѣльныя части получили лишь хозяйственно-культурную автономiю, вся же полнота государственной суверенной власти находится въ рукахъ центральнаго аппарата, имѣющаго свое пребыванiе въ интернацiональной Вильнѣ, Одессѣ или Кiевѣ. Тогда мы будемъ имѣть государство «отъ моря до моря», весьма богатое, сильно населенное. Но, не говоря о трудности такого новаго, непривычнаго и неоправданнаго еще исторiей образованiя, мы должны будемъ признать, что съ военной точки зрѣнiя, перейдя размѣры, допустимые для нейтральнаго государства, оно все же не будетъ имѣть достаточныхъ основъ для обезпеченiя своей самостоятельности собственными вооруженными силами. Населенiе такого государства не достигнетъ числа населенiя Францiи и Англiи, однородность и культура которыхъ даетъ значительныя преимущества, но мы видимъ, что Францiя и Англiя, несмотря на помощь Америки, истекаютъ кровью въ борьбѣ съ одной Германiей. Новое же государство будетъ имѣть съ обѣихъ сторонъ, а не съ одной, какъ Францiя, могущественныхъ сосѣдей—Срединную Европу и Великороссiю, съ населенiемъ той и другой, значительно превышающимъ силы новаго государства. Выдержитъ ли оно между такимъ молотомъ и наковальней? Не вынуждено ли оно будетъ для устойчивости и надежности разъ навсегда выбрать одну сторону и защищать одну границу—западную или восточную, регулируя защиту другой границы рѣшительнымъ и долговѣчнымъ союзомъ?

Такимъ образомъ, анализъ положенiя новыхъ самостоятельныхъ государствъ привелъ насъ къ естественной постановкѣ вопроса: съ Великороссiей или со Срединной Европой? Или иначе:

Съ Германiей или съ Россiей?

2. Германская оріентація и „Срединная Европа".

Предположимъ, что въ соотвѣтствіи съ внѣшней обстановкой отвѣтъ выпалъ бы въ пользу Германіи. Ослѣпленные ея военнымъ могуществомъ, обрадованные извѣстнымъ культурнымъ воздѣйствіемъ, гордые тѣмъ, что попали за черту осѣдлости блохъ и другихъ насѣкомыхъ, не допускаемыхъ, какъ извѣстно, на территорію, оккупированную нѣмцами, довольные дешевизной продуктовъ, прельщенные заигрываніемъ германскихъ публицистовъ разныхъ лагерей, наконецъ,—опустивъ руки передъ неизбѣжностью,—Польша, Литва, Украина, Бѣлорусь, Латвія, Эстонія заявляютъ свое желаніе жить подъ одной государственной обширной кровлей, щитъ коей держится на Берлинѣ. Иными словами—сохраненіе нынѣшняго положенія, правовое закрѣпленіе теперешняго status'а, военная оккупація навсегда.

Въ гигантской новой государственной системѣ новые члены окажутся въ слѣдующей обстановкѣ. Все населеніе Срединной Европы будетъ около 200 милліоновъ. Изъ нихъ 68 милліоновъ Германской Имперіи (около 65 милліоновъ нѣмцевъ), 28 милліоновъ Австріи (10 миліоновъ нѣмцевъ), 20 милліоновъ Венгріи (10 милліоновъ мадьяръ, 2 милліона нѣмцевъ), около 70 милліоновъ въ частяхъ прежней Россіи (30 милліоновъ украинцевъ, 10 милліоновъ поляковъ, 10 милліоновъ бѣлоруссовъ, 10 милліоновъ великороссовъ, 4 милліона литовцевъ и латышей, 4 милліона финновъ и эстовъ, 2 милліона нѣмцевъ); къ нимъ, быть можетъ, присоединятся Швеція съ 6 милліонами населенія, Голландія тоже съ 6 милліонами, Данія съ 3 милліонами, фламандская часть Бельгіи съ тремя милліонами и нѣмецкая Швейцарія съ 3 милліонами нѣмецкаго населенія. Мы видимъ, что при такомъ составѣ получается абсолютное большинство за одними только германскими племенами (нѣмцы, шведы, голландцы, фламандцы, датчане), которые составятъ свыше 100 милліоновъ; присоединеніе къ нимъ мадьяръ и финновъ (14 милліоновъ)—дѣлаетъ большинство вполнѣ надежнымъ и устойчивымъ. Даже присоединеніе 8 милліоновъ населенія Кавказа, 4 милліоновъ Болгаръ, 3 милліоновъ сербовъ и 21 милліона населенія Турціи, съ ихъ противорѣчивыми интересами и стре-

мленіями, не лишитъ германо-мадьярскую коалицію полнаго преобладанія [1]).

Такимъ образомъ рѣшающее вліяніе и по сплоченности, и по организованности, и даже по количеству будетъ принадлежать нѣмецкой стихіи съ руководящимъ центромъ въ столицѣ Германской Имперіи—Берлинѣ. Отсюда будетъ направляться внѣшняя политика; здѣсь въ прежнемъ Рейхстагѣ, и даже въ прусскомъ Ландтагѣ, и въ руководяшихъ кружкахъ будутъ вырабатываться основы внутренняго распредѣленія правъ и обязанностей: новое представительство всего государства или делегація этихъ представительствъ уже въ силу пестроты его состава нельзя предполагать способнымъ для дѣйствительно руководящей роли, не говоря о томъ, что большинство въ немъ всегда будетъ обезпечено за нѣмецкимъ элементомъ. Кромѣ того, вопросъ о режимѣ въ присоединенныхъ, а по естественной терминологіи нѣмцевъ, «завоеванныхъ», областяхъ не такъ простъ. Въ германской печати еще до войны обсуждался этотъ вопросъ, и были голоса (Танненбергъ), что, напр., Прибалтійскій край долженъ быть присоединенъ къ Пруссіи и въ теченіе 10 лѣтъ управляться намѣстникомъ съ неограниченными полномочіями. Тамъ же находимъ планы и относительно Литвы, мало соотвѣтствующіе національнымъ ожиданіямъ литовцевъ—весь югъ прежней Самогитіи, нынѣшняя Жмудь, предполагается присоединить къ восточной Пруссіи въ качествѣ четвертаго, Тильзитскаго Округа...

Но такъ или иначе, при тѣхъ или иныхъ формахъ развитіе германской идеи будетъ совершаться безпрепятственно по указкѣ тѣхъ же круговъ, которые вели и выиграли нынѣшнюю борьбу. Въ такой коалиціи не будетъ главнаго условія—равенства договаривающихся сторонъ; какія бы конституціонныя формы не устанавливать—для новыхъ членовъ это будетъ ничѣмъ инымъ, какъ отдачей подъ «высокую руку» Германіи. И нельзя будетъ удивляться, что всѣ выгоды соединенія будутъ на сторонѣ Германіи, всѣ невыгоды—на сторонѣ присоединившихся къ ней.

Такъ какъ въ новомъ государственномъ организмѣ рѣшающее мѣсто будетъ предоставлено Все-Германіи, то является

---

[1]) Цифры заимствованы изъ «The Statesman's Year-Book», 1917, кромѣ тѣхъ источники коихъ указаны выше.

вопросъ, какая внутренняя по отношенію ко всему колоссальному цѣлому задача будетъ поставлена нѣмцами. Твердыхъ данныхъ для сужденія мы не имѣемъ. Общественное мнѣніе въ Германіи представляетъ собой весьма широкій спектръ, и въ зависимости отъ хода событій выступаетъ на первый планъ то одно, то другое теченіе. Дѣла плохи—громко слышенъ скептическій голосъ Гардена, въ Рейхстагѣ преобладаютъ пацифистскія ноты, власти показываютъ видъ, что прислушиваются къ голосу умѣренныхъ и благоразумныхъ совѣтниковъ типа Наумана и не прочь даже перекинуться дружелюбно съ умѣренными соціалъ-демократами. Но положеніе на фронтѣ улучшается—на сцену выходятъ иныя общественныя силы: голоса Рорбаха, Баллина заглушаютъ скептиковъ; всѣ повторяютъ очередной крѣпкій афоризмъ Гинденбурга, шелестятъ записки, меморіи и петиціи различныхъ союзовъ, дѣлящихъ шкуру еще не добитаго медвѣдя. А сверху слышатся слова укоризны по адресу тѣхъ, кто въ трудную минуту не проявилъ достаточной крѣпости нервовъ. И, надо отдать справедливость, носителемъ германской идеи оказался не Рейхстагъ, быстро мѣняющій свое мнѣніе, склонный къ паникѣ и пессимизму, не та или иная партія, но правительственные круги, ближайшіе совѣтники Императора, та небольшая кучка людей, которая готовила войну, которая сумѣла использовать всѣ духовные и матеріальные рессурсы страны, всю дисциплинированность массъ, всю способность къ планомѣрной организаціи. Глубокое пониманіе положенія вещей, невѣроятная выдержка, прекрасное знаніе своего народа и слабыхъ сторонъ противника—видимъ на каждомъ шагу. И горе побѣжденнымъ, попавшимъ въ эти желѣзныя, не пачкающіяся отъ крови руки. Здѣсь не любятъ шутить, сентиментализма не знаютъ, а нервы—словно выкованы у Круппа. Нѣсколько преувеличившіе силы Германіи въ началѣ войны и ошибшіеся въ разсчетахъ руководители военныхъ силъ за время войны не допустили, въ сущности, ни одной ошибки. При полной увѣренности въ конечномъ успѣхѣ—помните знаменитое «ausgeschlossen» Гинденбурга относительно шансовъ побѣды Россіи—они проявили небывалую выдержку. Революціонное движеніе въ Россіи, первое замѣшательство въ арміи побудило только одного генерала попытаться счастья. Ударъ на Стоходѣ въ мартѣ показалъ, что русскій фронтъ

слабъ. Но генералъ получилъ выговоръ—Гинденбургъ это зналъ и безъ пробы, но удары по русской арміи могутъ слишкомъ рано разбудить дремлющій инстинктъ самосохраненія русскаго народа. Наступленіе Россіи въ іюнѣ 1917 года привело въ безпокойство только парламентаріевъ. Военныя власти отмахнулись отъ него Тарнопольскимъ ударомъ—не для стратегическихъ цѣлей, ибо успѣхъ можно было значительно расширить, а исключительно для того, чтобы успокоить общественное мнѣніе внутри Германіи. Такъ какъ послѣ этого въ русской арміи началась нѣкоторая созидательная работа, то нанесены были накороткѣ небольшіе, но больные удары подъ Ригой и подъ Якобштадтомъ, при чемъ, послѣ достиженія объекта, преслѣдованіе не развивалось, и наша 12-ая армія на цѣлыхъ 30 верстъ отошла слишкомъ далеко и вынуждена была потомъ вернуться. Даже захватъ власти большевиками и разгаръ внутренней борьбы на фронтѣ и въ тылу не побудилъ принять какія бы то ни было мѣры къ использованію положенія. И лишь когда весь фронтъ совершенно развалился, когда былъ разрушенъ до конца весь аппаратъ управленія, тогда былъ нанесенъ окончательный ударъ coup de grâce,—да нѣтъ, удары не оказались нужными—просто разъѣзды были выдвинуты впередъ на нѣсколько сотъ верстъ, и было объявлено расположеніе «новаго фронта», при чемъ было взято все, что полагалось взять по Рорбаху и другимъ пангерманистамъ съ безплатнымъ приложеніемъ всего вооруженія русской арміи. И ни шагу дальше, чѣмъ необходимо. Для того, чтобы править безоружной страной—ее не слѣдуетъ слишкомъ раздражать, а отъ господства она все равно не уйдетъ. Надо итти только тогда, когда будутъ встрѣчать съ цвѣтами. Недостаточно побѣдъ и завоеваній—нужны тріумфы... Такъ спокойнѣе, работа чище, результаты—прочнѣе, а для нѣмцевъ—они все таки еще не лишены нѣкоторыхъ чертъ сентиментализма, эти честные, вѣрные нѣмцы—пріятнѣе, и тѣмъ рѣшительнѣе будутъ проваливаться на выборахъ независимые.

Война выиграна нѣмцами, и плоды побѣдъ должны достаться нѣмцамъ. Какіе плоды побѣдъ? Территоріальныя завоеванія? Контрибуціи? Но территоріальныя завоеванія въ государственно-правовомъ смыслѣ, присоединеніе территорій со всѣмъ населеніемъ—не особенно пріятный способъ, грозящій иногда

серьезными осложненіями—чего стоили одни познанскіе поляки или французы Эльзаса и Лотарингіи! Контрибуція—но ее не такъ легко взять съ разоренныхъ народовъ—вѣдь не керенками она должна быть уплачена...

Могутъ сказать, что современный правовой укладъ не даетъ другихъ средствъ использованія побѣды. Но, во-первыхъ, остается еще средство экономическаго властвованія. Общеизвѣстны жалобы Поляковъ, Украинцевъ, Сибиряковъ даже, что экономическая политика русской власти благопріятствовала великорусскому центру и крайне тяжело отражалась на окраинахъ. Но если русская власть умѣла пользоваться аппаратомъ экономической регулировки, то что говорить о значеніи экономическаго господства въ рукахъ Германіи, которая и въ прежнее время умѣла заставить русскій хлѣбъ итти въ Финляндію черезъ германскіе порты. Окончательная и безповоротная гибель промышленности Польши и Украины и превращеніе ихъ въ колоніи, обслуживающія германскую промышленность—явится вопросомъ кратчайшаго времени [1]).

Кромѣ того, не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на современный государственно-правовой укладъ. Война — небывалое явленіе, и тотъ, кто справится съ нимъ—сумѣетъ сдѣлать небывалые выводы. Уже передъ войной въ борьбѣ съ поляками нѣмцы не останавливались передъ исключительнымъ средствомъ экспропріаціи земли у поляковъ и передачи ее нѣмецкимъ колонистамъ, оставляя полякамъ одну надежду—что такое пренебреженіе къ основамъ современнаго культурнаго уклада отомститъ само за себя. Война же разбила многія узы, связывающія власть не только въ международныхъ отношеніяхъ, но и во внутреннихъ. Колоссальныя экспропріаціи—конечно, для блага народа, для общаго дѣла—всѣхъ національныхъ богатствъ, до жизни гражданъ включительно стоятъ постоянно въ порядкѣ дня и никого не удивляютъ, не смущаютъ, даже не раздражаютъ. Стѣсненіе и даже упраздненіе правъ собственности и личности совершается ежедневно въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, весьма ощутительныхъ для собственныхъ гражданъ. Будетъ ли кто при этихъ условіяхъ прислушиваться къ жалкому голосу гражданъ второго сорта, къ гражданамъ побѣжденныхъ странъ?

---

[1]) См., между прочимъ, статью С. О. Загорскаго: «Экономическое единство Россіи», «Междун. политика и міровое хозяйство», № 5.

Массовые уводы бельгійскихъ рабочихъ возстановили въ новыхъ формахъ старинное sub coronam vendidi Юлія Цезаря. Но могло ли это возмущать кого-либо въ Германіи, если нѣмецкіе рабочіе тоже имѣютъ не особенно богатый выборъ: на фронтъ, на фабрику или въ тюрьму. Все регулировано въ этой гигантской машинѣ, каждому свое мѣсто. Трудно думать, что послѣ войны положеніе дѣлъ будетъ иное, что организація пользованія плодами побѣдъ будетъ поставлена хуже, чѣмъ организація борьбы. Если война кончится полнымъ разгромомъ союзниковъ—то нечего будетъ стѣсняться, и едва ли насильно принуждаемые къ работѣ за нищенскую плату бельгійцы, поляки, литовцы найдутъ въ комъ-либо поддержку, если не считать забаллотированныхъ кандидатовъ независимыхъ соціалистовъ. Если же война не дастъ всѣхъ необходимыхъ для Германіи результатовъ—то начнется новая, чудовищная подготовка къ войнѣ, и тутъ тѣмъ болѣе нужно будетъ использовать каждаго человѣка, каждую силу,—конечно, въ соотвѣтствіи съ способностями и полезностью для общаго дѣла.

На почвѣ этой идеологіи могутъ быть найдены совершенно новыя формы властвованія. Земля будетъ присоединена къ Германіи, но безъ жителей—жителей собственниковъ создадутъ сами нѣмцы, хотя бы тѣ же рабочіе, которые своимъ поведеніемъ заслужили награду. Но и помимо награды, этого требуютъ интересы государства. Уже Бернгарди обращалъ вниманіе на то, что рабочій классъ слишкомъ изнуренъ непосильной работой и негигіеничными условіями городской скученной жизни и поэтому не даетъ надлежащаго количества хорошихъ, здоровыхъ солдатъ. До войны Бернгарди рекомендовалъ во имя интересовъ арміи обратить вниманіе на жилищныя условія рабочихъ. Теперь этотъ вопросъ можетъ получить болѣе радикальное рѣшеніе—рабочіе нѣмцы будутъ поселены на новыхъ земляхъ; во всякомъ случаѣ весь приростъ нѣмецкаго населенія будетъ направленъ на землю, и Германія въ годъ будетъ получать по 1.000.000 новыхъ крестьянъ. Куда же дѣнутся экспропріированные? Имъ будетъ предоставлена возможность итти на фабрики, гдѣ нѣмцы займутъ мѣста лишь надсмотрщиковъ и квалифицированныхъ рабочихъ—мастеровъ. Какія перспективы для рѣшенія разъ навсегда соціальнаго вопроса—для нѣмцевъ, конечно!.. Поистинѣ, каждый нѣмецъ будетъ имѣть свой до-

микъ и огородъ. А работать на него будутъ другіе, которые похуже...

—«Фантазіи»—могутъ возразить. И планы пангерманистовъ намъ казались фантазіей, но они осуществились и даже съ избыткомъ. И въ той же литературѣ мы находимъ разработанную земельную политику, готовые планы въ предѣлахъ новаго господства Германіи. Развертывая книгу Танненберга, написанную—подчеркиваемъ это—еще до войны, мы находимъ подробныя соображенія относительно аграрной политики въ Литвѣ, Курляндіи и даже Бѣлоруссіи.

Россія нашъ главный врагъ, и Россія должна дать намъ землю, писалъ Танненбергъ еще въ 1911 году [1]). Дать землю не только въ смыслѣ государственнаго господства, но въ смыслѣ перехода частнаго владѣнія землей въ руки нѣмецкихъ колонистовъ. Танненбергъ приводитъ даже извѣстныя юридическія обоснованія. Если въ Прибалтійскомъ краѣ моргъ земли стоилъ въ среднемъ 20 марокъ (?), то съ переходомъ края въ германскій таможенный союзъ эта цифра поднимется до 230 марокъ за десятину; справедливо ли, что собственники получатъ ни за что ни про что такое приращеніе богатствъ? И Танненбергъ предлагаетъ ввести конфискацію земель—правда, земель нѣмецкихъ бароновъ—съ такимъ разсчетомъ, чтобы увеличеніе цѣнъ давало лишь незначительное увеличеніе состоянія, на конфискованныя же земли—переселять излишекъ германскаго населенія. Правда, проектъ направленъ главнымъ образомъ противъ нѣмцевъ бароновъ. Но вѣдь это писалось еще до войны, а, кромѣ того, вѣдь не бароны обрабатывали свои имѣнія, вѣдь на нихъ кормились сотни тысячъ латышей и эстовъ. И если нѣмцевъ бароновъ Танненбергъ считаетъ необходимымъ убѣждать доводами, что надо чѣмъ-нибудь заплатить за гарантіи противъ латышско-крестьянской революціи, то эстамъ и латышамъ предоставляется утѣшать другъ друга. Но Прибалтійскій край можетъ вмѣстить лищь по 500 т. ежегодно, и отъ прироста нѣмцевъ остается еще полмилліона неразмѣщенными. Имъ должны дать мѣсто Литва и Бѣлоруссія. «Поощреніе» эмиграціи литовцевъ и евреевъ въ Америку («подарокъ дядѣ Саму» пророчески иронизируетъ Таннен-

[1]) Otto Richard Tannenberg: Gross-Deutschland, 1911. Пользуемся франц. переводомъ: „La plus grande Allemagne“, préface par M. Millioud, 1916.

бергъ) обезпечитъ, что въ этихъ странахъ не получится слишкомъ большой тѣсноты.

Конечно, въ 1911 г. всѣ эти размышленія размашистаго публициста могли вызывать только улыбку. Но вотъ побѣды 1915 г. поставили на очередь вопросъ объ «освобожденіи» Прибалтійскаго края отъ Россіи, къ чему съ равнымъ сочувствіемъ относились всѣ, отъ крайнихъ имперіалистовъ до соціалистовъ. Вопросъ о завоеваніи всего побережья Балтійскаго моря былъ германской прессой объявленъ государственной необходимостью. Планы Танненберга воскресли въ цѣломъ рядѣ сочиненій и монографій [1]). Опытъ войны лишь обострилъ значеніе проблемы усиленія Германіи безраздѣльнымъ владычествомъ на Балтійскомъ морѣ, ослабленія Россіи и расширенія аграрной базы Германіи. И теперь, когда побѣда даетъ возможность проведенія подобныхъ плановъ въ жизнь, трудно ожидать остановки за правительственными мѣропріятіями въ самомъ недалекомъ будущемъ [2]). Или можно надѣяться, что гг. Танненберги смилостивятся при видѣ того, какъ народы идутъ добровольно подъ ярмо?

Общность гражданства въ новомъ государствѣ не поставитъ предѣлъ подобнымъ поползновеніямъ. Всѣ составныя части волей или неволей должны будутъ слѣдовать опредѣленной государственной идеѣ, творящей силу Срединной Европы. Эта идея будетъ, конечно, ставка на сильныхъ. Для могущества новаго государственнаго образованія необходимо, чтобы наиболѣе сильные элементы получали всѣ выгоды и окружались особыми заботами. А кто осмѣлится возражать, что наиболѣе сильнымъ, полезнымъ и стойкимъ элементомъ является нѣмецкій? Нѣтъ, господа литовскіе, польскіе, латышскіе, украинскіе помѣщики и крестьяне, разъ вы вошли въ новое государство, то считайтесь съ его нуждами, приспосабливайтесь къ нему. Васъ

---

[1]) Объ этомъ см. Ф. Цееленъ «Судьба Прибалтійскаго Края», «Современный Міръ», 1916, кн. 7—8.

[2]) Строки эти уже были набраны, когда телеграфъ принесъ сообщеніе, напечатанное въ газетахъ 11 іюля: «Гинденбургъ издалъ 17 іюня распоряженіе, чтобы всѣ дворяне, помѣщики, владѣющіе землей въ количествѣ не менѣе 360 гектаровъ, продали обществу «Курляндія», которому поручено завѣдываніе колонизаціей, не менѣе $^1/_3$ своей земли по средней цѣнѣ 1914 года». А вотъ буквальныя слова Танненберга: «Ни одно имѣніе въ Прибалтійскомъ краѣ не должно превышать 1.500 морговъ. Владѣльцы болѣе значительныхъ имѣній должны будутъ передать излишекъ по старой цѣнѣ въ пользу колонизаціи провинціи».

прогоняютъ съ земли? Да, но это дѣлается во имя государственныхъ интересовъ... Вѣдь надо же чѣмъ-нибудь и вамъ заплатить за честь быть гражданами первой міровой державы... Ставка на сильныхъ—это германская идея, и лишь германцы покажутъ ее въ истинномъ свѣтѣ.

Впрочемъ, нѣмцы, быть можетъ, окажутся дальновиднѣе и предложатъ кое-какія компенсаціи, помимо «поощренія» эмиграціи. Для того, чтобы страдали не одни поляки, литовцы и латыши, они предложатъ всеобщій небольшой сдвигъ на востокъ. Такъ какъ Германіи тѣсно—она давитъ по линіи наименьшаго сопротивленія на своихъ сосѣдей на востокъ, но зато предложитъ полякамъ, латышамъ и литовцамъ въ свою очередь потѣснить своихъ восточныхъ сосѣдей—украинцевъ, бѣлоруссовъ. За непрепятствованіе германизаціи западной части Польши, за предоставленіе на потокъ и разграбленіе Познани полякамъ будетъ дана возможность «parcia na wschód», будетъ предложено продѣлать аналогичную операцію на востокѣ путемъ экспропріаціи земли у теперешнихъ собственниковъ и колонизаціи ея выходцами, потерявшими землю въ Познани. И передъ поляками встаетъ великій соблазнъ: измѣнить своей исторической роли авангарда въ борьбѣ націй противъ угнетенія и, поступившись своими интересами на западѣ, сдѣлаться орудіемъ нѣмецкаго давленія на востокѣ и отъ формулы «право есть сила», служившей путеводной звѣздой народа-страдальца, перейти къ формулѣ «сила есть право» и съ нею на устахъ войти въ станъ торжествующихъ.

Выгоды этой системы перестраховокъ очевидны: нѣмцы получаютъ землю, а другіе народы накапливаютъ недовольство другъ другомъ, что даетъ нѣмцамъ возможность спокойно владѣть землей, не боясь натравленныхъ другъ на друга народовъ.

И это не теорія. Это почти уже практика. Уже среди обывателей, среди скороспѣлыхъ сторонниковъ германской оріентаціи слышны рѣчи, что такой новый Drang nach Osten представляется вполнѣ естественнымъ: въ самомъ дѣлѣ, куда же дѣться нѣмцамъ... Да и вообще справедливо, что болѣе культурный потѣснитъ менѣе культурнаго.

Возраженія? Ихъ легко подавить численнымъ и политическимъ преобладаніемъ. Сопротивленіе? Но кто осмѣлится

сопротивляться и какъ? Вѣдь армія новаго государства будетъ въ рукахъ нѣмецкаго командованія...

Но если образованіе Срединной Европы на такихъ основаніяхъ крайне облегчитъ Германіи ея работу по расширенію германизма, дастъ возможность всенѣмецкіе планы осуществлять на легальной основѣ, по закону, изданному общей государственной властью, то не менѣе облегчится для нея и задача международная. Если война 1871 года сдѣлала Пруссію могущественной европейской державой, то задачей новой войны было превратить Германію въ міровую державу соотвѣтствующаго вѣса и значенія. Повидимому эта задача будетъ выполнена лишь наполовину: будетъ завоеванъ лишь востокъ Европы, и тутъ Германія найдетъ надежную опору для завершенія борьбы за міровое могущество. Колоссальные резервы человѣческаго матеріала дадутъ ей возможность организовать новую армію, способную выполнить любую задачу; громадныя экономическія средства дадутъ возможность построить флотъ, съ которымъ ни одна держава не въ состояніи будетъ конкурировать; географическое положеніе открываетъ возможность начать борьбу черезъ Малую Азію за Африку, за Персію и за Индію. Возможно, что безспорное преобладаніе Германіи будетъ такъ очевидно, что новыя завоеванія отчасти совершатся мирнымъ путемъ. Но возможно, что понадобится новая война, или даже цѣлый періодъ новыхъ войнъ, къ которымъ надо усиленно готовиться. И вотъ всѣ народы, связавшіе свою судьбу съ Германіей, будутъ строить для нея корабли, сооружать желѣзныя дороги въ пустыняхъ передней Азіи, будутъ лить ядра и пушки и давать деньги, деньги и деньги. Да, но за это будутъ пользоваться плодами завоеваній... О, конечно, но лишь въ извѣстной мѣрѣ... Дѣлежка плодовъ, подъ руководствомъ Германіи, будетъ производиться соотвѣтственно вкладу каждой націи въ общее дѣло. А много ли вложили въ это дѣло поляки, литовцы или украинцы? Что же пенять, что имъ достанутся корешки отъ пшеницы и вершки отъ рѣпы!

Нѣтъ, напрасно народы тѣснятся въ прихожихъ Берлина. Ихъ не посадятъ за столъ побѣдителей. Ихъ заставятъ служить. И пусть благодарятъ, если въ награду имъ дадутъ объѣдки, выбросятъ обглоданную кость.

Конечно, нельзя думать, что 60 милліоновъ ненѣмецкаго населенія не будутъ бороться съ пангерманизмомъ. Какъ ни

ослаблены будутъ анти-нѣмецкія силы внутренней борьбой, которую искусно будутъ подогрѣвать нѣмцы, все же осуществленіе плановъ побѣдителей, когда эти планы обнаружатся, встрѣтитъ упорное сопротивленіе. Внутри единаго государственнаго образованія выраститъ свой, правда внутренній только, правда политическій, но все же вполнѣ отчетливый фронтъ. Но слишкомъ слабая внутри восточная часть Срединной Европы должна будетъ искать въ борьбѣ съ германизмомъ опоры во внѣ, въ силахъ зарубежныхъ.

Какихъ?

III. Возсозданіе Россіи.

Тяжелое положеніе Великороссіи уже достаточно изображено въ многочисленныхъ статьяхъ и докладахъ. Отмѣтимъ только два факта, имѣющіе первенствующее значеніе съ военной точки зрѣнія. Великороссія лишается почти всего угля; если въ мирное время она можетъ существовать привознымъ углемъ, то въ моментъ объявленія войны она должна разсчитывать лишь на уголь запасовъ и на древесное топливо. При этихъ условіяхъ, ясно, мобилизація промышленности въ прежнемъ смыслѣ является для нея невозможной. Вмѣстѣ съ тѣмъ стратегическое положеніе становится крайне труднымъ. Прежняя граница была удобна какъ для наступательныхъ, такъ и для оборонительныхъ цѣлей: выдвинутое впередъ Царство Польское давало широкій стратегическій плацдармъ для дѣйствій и противъ Германіи и противъ Австріи, цѣлая же сѣть рѣкъ давала рядъ естественныхъ рубежей, на которыхъ при отступленіи, при оборонительномъ способѣ дѣйствій могли задерживаться отступающія войска; кромѣ того, господство надъ моонзундскимъ архипелагомъ, побережьемъ финскаго залива и Аландскими островами давали Россіи безраздѣльное господство надъ финскимъ и Ботническимъ заливами. Въ настоящее время доступъ къ морю поставленъ подъ сомнѣніе, сухопутная граница въ Европѣ не имѣетъ никакихъ рубежей и при значительно сократившихся рессурсахъ для ея обороны по своему протяженію остается почти равной прежней границѣ.

Но все же 100 милліоновъ населенія составляетъ громадную силу даже при современныхъ масштабахъ. Тѣмъ болѣе,

что эти сто милліоновъ получатъ сравнительно большой запасъ интеллектуальной силы. Руссифицированная интеллигенція другихъ націй естественно будетъ тяготѣть къ Великороссіи, и если часть вернется въ прежнее лоно, то многіе останутся служить Россіи. Весь командный составъ, каковы бы ни были его качества, все же представляетъ большую цѣнность и въ рукахъ талантливыхъ организаторовъ составитъ кадры, съ которыми можетъ помѣряться только Германія. Культурныя сокровища, пространства земли, способныя вмѣщать еще неограниченные запасы людей, и, наконецъ, естественное соперничество съ Германіей и Японіей—сдѣлаетъ Великороссію равноправной союзницей англо-саксонскаго міра, всѣ богатства котораго, вся чудовищная техника и организаціонныя силы будутъ предоставлены Россіи.

Конечно, буря народныхъ волненій отдаляетъ часъ возрожденія страны. Но эта буря уляжется. Многое въ ней погибнетъ, но оставшееся—закалится. Народъ, прошедшій школу самоуправленія, сумѣетъ выковать совершенные методы государственнаго устройства, и, на ряду съ отказомъ отъ централизаціи, на ряду съ развитіемъ мѣстной жизни, сумѣетъ построить сильную власть, которая будетъ соотвѣтствовать желанію и сознанію всего народа, на собственной спинѣ испытавшаго, что такое отсутствіе власти. Если въ Германіи основной государственной задачей будутъ дальнѣйшія завоеванія и использованіе плодовъ побѣдъ, то передъ Великороссіей встанетъ вопросъ о внутренней перестройкѣ взаимоотношеній, о накопленіи культурныхъ богатствъ и навыковъ. Внутренній реваншъ, проводимый сотней милліоновъ людей послѣ великаго сдвига и переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, это такая животворящая сила, которой міровая исторія еще не знала. А что въ глубинахъ русскаго духа заложены великія начала—это все же ясно и по революціи, которая теперь всѣхъ страшитъ своимъ дикимъ разгуломъ, но со временемъ будетъ изумлять и составитъ, на ряду съ побѣдами Германіи, величайшій фактъ современной исторіи, послѣдствія коего будутъ чувствоваться на протяженіи столѣтій.

Стихійное тяготѣніе къ Великороссіи неизбѣжно въ будущемъ для народовъ, обреченныхъ на борьбу съ германизмомъ. Тѣнь единой Россіи будетъ вѣчно витать надъ ея разрознен-

ными частями. Но, опираясь на силу и средства отложившихся народовъ, Германія будетъ зорко слѣдить за развитіемъ Великороссіи и, то военнымъ, то экономическимъ, ударомъ будетъ регулировать ростъ своего соперника, и, конечно, въ будущемъ Германія ни въ коемъ случаѣ не можетъ допустить возстановленія Россіи въ прежнемъ объемѣ, и если Россіи суждено существовать, то для рѣшенія этого вопроса истекаютъ послѣдніе дни. Лишь теперь, пока вездѣ хаосъ, пока усталые отъ войны народы мечтаютъ о мирѣ и поэтому учитываютъ не только реальныя, но и моральныя силы, воля народовъ, даже не имѣющихъ военныхъ рессурсовъ, можетъ многаго добиться. Но если такъ, то не слѣдуетъ ли въ эти послѣдніе дни поставить во всемъ объемѣ вопросъ о возсозданіи наново Россіи.

Этотъ вопросъ встаетъ всюду, какъ бы мы его ни оттоняли. Хотятъ ли народы существовать въ видѣ нейтральныхъ странъ—имъ необходимо позаботиться, чтобы на востокѣ установилось подобіе равновѣсія, немыслимаго безъ Россіи. Войдутъ ли они въ составъ Срединной Европы—они столкнутся съ необходимостью напряженной внутренней борьбы и заранѣе должны подумать, чтобы было на кого опереться; но такой посторонней поддерживающей силой можетъ быть опять-таки только Россія. Всѣ дороги ведутъ черезъ этотъ перекрестокъ, гдѣ пересѣкаются не только пути національнаго развитія отдѣлившихся странъ, но и пути общеміровой эволюціи.

До сихъ поръ обычно Россію оцѣнивали—и внѣ ея и внутри—или какъ историческую случайность, колоссъ на глиняныхъ ногахъ, который до сихъ поръ не свалился лишь потому, что ему не было нанесено достаточно сильнаго удара, чтобы преодолѣть историческую инерцію, или даже какъ явленіе регрессивное. Положительныя задачи Россіи, ея мѣсто въ ряду силъ, способствующихъ завоеванію міра прогрессомъ и культурой—рѣшительно затиралось и игнорировалось. Конечно, внѣшняя картина Россіи была не слишкомъ отрадна, особенно съ точки зрѣнія лицъ, судящихъ по западно-европейскому масштабу. Но при этомъ забываютъ, что условія развитія Россіи были совершенно необычны. Раскинувшаяся по побережью Ледовитаго океана, бездорожная, имѣющая въ своихъ владѣніяхъ кочевые народы, тундры и непроходимые лѣса, объединяя въ своихъ рукахъ и страны съ чисто западной культурой, какъ

Польша и Финляндія, и чисто дикія племена, она являлась мостомъ между Европой и Азіей. Ея задача затруднялась необозримыми пространствами суши, несчетными количествами этнографически пестраго населенія. При этихъ условіяхъ создать правительственный аппаратъ было задачейне помѣрно трудной. И задача эта, какъ мы говорили, до конца не была выполнена. Но значитъ ли это, что задача вообще снята съ очереди? Не слѣдуетъ ли попытаться рѣшить ее наново?

О Россіи, какъ о факторѣ мірового регресса, говорить, конечно, не приходится. Если при переѣздѣ западной границы европеецъ чувствовалъ новыя культурныя условія, то все же онъ еще разъ могъ испытать такое же ощущеніе, переѣзжая черезъ границу Россіи съ государствами Азіи. Въ предѣлахъ громадной Россіи культурныя условія разрѣдились, сдѣлались жидкими, но все же она вся насыщена культурой значительно высшаго напряженія, чѣмъ зарубежныя восточныя страны. Чтобы убѣдиться—достаточно открыть карту міровыхъ путей сообщенія. Если Англія подошла къ Афганистану съ юга, то съ сѣвера желѣзной дорогой подошла Россія, и, въ общей системѣ мірового движенія, пути, построенные Россіей, занимаютъ весьма значительную долю. Одна Сибирская дорога въ два раза сократила продолжительность кругосвѣтнаго путешествія.

Конечно, легко сказать: «Будь на мѣстѣ русскихъ англичане или нѣмцы—они сдѣлали бы и скорѣе и лучше»... Но агличане и нѣмцы и такъ не сидѣли безъ дѣла, они и такъ были заняты, и безъ Россіи сибирскій путь не былъ бы построенъ никѣмъ. Кромѣ того, трудно сказать, могла ли бы въ некультурныхъ условіяхъ культурная нація выполнить многія изъ тѣхъ задачъ, которыя были по силамъ Россіи. Участокъ Мурманской желѣзной дороги, который взялись строить англичане, оказался незаконченнымъ, и его достроили сами русскіе, потому что англійскіе и канадскіе рабочіе не могли работать въ тягостныхъ условіяхъ дикаго сѣвера, а англійскіе организаторы не могли справиться съ русскими рабочими.

Какъ ни какъ, Россіей пробитъ путь черезъ Азію, пробитъ путь къ Ледовитому океану, пробитъ новый путь изъ Европы въ Индію. И пробитъ не въ качествѣ слѣда на картѣ, проложены не только рельсы, но цѣлая система новыхъ по-

селеній, наново открывающихъ и завоевывающихъ для культуры то, что было открыто и завоевано лишь для политической власти и для любознательности географовъ. Заселяются степи, вырубаются первобытные лѣса, оплодотворяются занесенныя песками пустыни, и изъ праха встаютъ, воскресаютъ отъ соприкосновенія съ Россіей, старинныя цвѣтущія страны, сметенныя съ лица земли великимъ переселеніемъ народовъ.

Работа эта совершалась не только Московіей. Это дѣло Россіи, въ ея цѣломъ. Сибирь заселена не только великороссами. Бѣлорусскія поселенія Пріамурья, украинскіе «концы», разбросанные по всей азіатской Россіи—свидѣтельствуютъ объ этомъ. Общій финансовый аппаратъ со всѣхъ народовъ бралъ средства на общія задачи. Однимъ великороссамъ многое изъ выполненнаго оказалось бы не по плечу. И если говорить о значеніи гибели Россіи, то запишемъ въ пассивъ не только разрушеніе широкихъ государственныхъ рамокъ, которыя сами по себѣ были факторомъ положительнымъ, ибо эволюція всѣхъ государствъ совершается въ сторону широкихъ группировокъ... Будемъ разсматривать не только какъ гибель великорусскаго дѣла, но какъ гибель цѣлаго ряда намѣченныхъ и осуществляемыхъ міровыхъ культурныхъ задачъ. Гибель Россіи—это побѣда не только нѣмцевъ. Это побѣда бездорожья сѣверныхъ тундръ, это побѣда раскаленныхъ песковъ средней Азіи, это побѣда кочевыхъ племенъ надъ культурными поселенцами, это побѣда льдовъ сѣвернаго океана. Не только новыя предпріятія теперь будутъ сомнительными, но и старыя трудно будетъ поддерживать на должной высотѣ—вспомнимъ о тяготѣ дефицитовъ желѣзныхъ дорогъ, которые теперь, съ отходомъ наиболѣе оживленныхъ и доходныхъ частей, въ оставшейся восточной, наиболѣе убыточной части сѣти могутъ оказаться совершенно непереносимымъ государственнымъ бременемъ. О такихъ мѣропріятіяхъ, какъ поддержаніе хлопководства въ средней Азіи—будетъ трудно думать, и сѣверный морской путь въ Зап. Сибирь, съ громадными затратами на его оборудованіе и поддержаніе—явится почти неисполнимымъ.

Но не будетъ ли опаснымъ воскрешеніе Россіи для народовъ, столько времени стонавшихъ подъ ея ярмомъ? Но вѣдь не о старой, а о новой Россіи рѣчь идетъ, о новомъ государствѣ, созданномъ не въ порядкѣ побѣдъ и завоеваній, а въ

порядкѣ доброй воли, въ порядкѣ дѣйствительнаго самоопредѣленія народовъ, имѣющихъ нынѣ полную возможность новой государственной системой обезпечить всѣ свои права. Значеніе тѣхъ разногласій, которыя возникали между русской общественностью и другими національностями, ни въ коемъ случаѣ нельзя преувеличивать. Искреннее признаніе права на самоопредѣленіе народовъ не было поколеблено въ сознаніи русскаго общества, а медлительность въ осуществленіи, если только можно говорить о такой медлительности, имѣла достаточное оправданіе въ условіяхъ міровой войны, съ которой Россія была неразрывно связана и поэтому не могла вполнѣ свободно располагать собой. Въ крайнемъ случаѣ—здѣсь была неопытность и неумѣлость рукъ, не привыкшихъ управлять колесомъ государственнаго корабля и вынужденныхъ взяться за него въ грозную минуту грандіозной бури, но никакъ не національная нетерпимость.

Широкая, на національно-территоріальномъ принципѣ основанная государственная автономія всѣхъ входящихъ въ составъ Россіи частей, полное и дѣйствительное равноправіе всѣхъ народовъ въ созданіи центральной федеративной власти—не допускаютъ сомнѣній въ новой Россіи. Россія и ея методъ управленія долженъ явиться гармоничнымъ синтезомъ стремленій всѣхъ народовъ; правительственный аппаратъ долженъ впитать въ себя все самое сильное и даровитое изъ всѣхъ націй. Если польская аристократія Австріи оказала незамѣнимыя услуги правительственному механизму, то въ Россіи польскія народныя силы могли бы имѣть еще большее значеніе. Польша, Финляндія, духовныя силы Литвы, Украины—не были использованы въ истинно-государственномъ смыслѣ этого слова, и это не должно повториться.

Конечно, и въ предѣлахъ Россіи передъ народами встанетъ не мало трудностей. Но эти трудности въ рамкахъ прежней государственности могутъ быть значительно легче преодолѣны. Распря украинцевъ съ великороссами, съ бѣлоруссами или поляками неизбѣжна при расщепленіи на отдѣльные обособленные національно-государственные атомы; она неизбѣжна и при раздѣленіи на два міра—германскій и великорусскій; но она значительно теряетъ въ своей остротѣ и даже совсѣмъ исчезаетъ при оставленіи этихъ народовъ въ общихъ широкихъ государственныхъ границахъ.

*

Въ этомъ добровольномъ соединеніи, если бы оно совершилось въ настоящее наиболѣе трудное для великорусскаго элемента время—гарантіи, что въ новой Россіи народы получатъ дѣйствительное равноправіе, котораго они тщетно добивались прежде, и которое они навсегда потеряютъ при соединеніи съ Германіей. При возстановленіи Россіи—народамъ не грозили бы тяготы участія въ дальнѣйшихъ международныхъ авантюрахъ, и ихъ культурная работа безпрепятственно развивалась бы въ союзѣ, при дружной взаимной поддержкѣ съ внутреннимъ возсозданіемъ, преобразованіемъ Великороссіи. Всѣ тѣ міровыя задачи, которыя стояли передъ Россіей—не остались бы безъ своихъ творцовъ и продолжались бы съ новой силой и новымъ напряженіемъ. Громадный коллективъ Россіи былъ бы вполнѣ надежной гарантіей для полученія значительной помощи изъ-за границы, въ особенности изъ англо-саксонскихъ странъ, и средства эти были бы распредѣлены справедливо въ соотвѣтствіи съ нуждами и положеніемъ составныхъ частей.

Но возстановленіе Россіи задача первостепенной важности не только для тѣхъ народовъ, которые входятъ въ ея составъ. Безъ преувеличенія можно сказать: судьбы міра зависятъ отъ этого, и отъ рѣшенія рокового вопроса, отъ того, что совершается въ настоящіе дни на Востокѣ Европы, зависитъ ходъ исторіи всего міра на долгія десятилѣтія и даже столѣтія. Россіи нѣтъ—нѣтъ возможности создать міровое равновѣсіе державъ. Германія получаетъ исключительно выгодныя условія для дальнѣйшаго развитія своего милитаризма и неизбѣжно будетъ готовить и вести борьбу за міровую гегемонію; ничѣмъ не стѣсненная на востокѣ, угрожающая разгромомъ Франціи на западѣ, она свободно будетъ распространяться по передней Азіи, по сѣверу Африки, получаетъ возможность поставить на порядокъ дня борьбу за Суэцъ, за Гибралтаръ, наконецъ, за Индію. Въ этихъ предѣлахъ—она будетъ имѣть полные шансы вести борьбу съ англо-саксонскимъ міромъ. Неумолимой внѣшней борьбѣ будутъ соотвѣтствовать новыя формы внутреннихъ отношеній, и народы Востока Европы вынуждены будутъ противъ воли тащить германскую побѣдную колесницу по Аравійскимъ пустынямъ, по бездорожьямъ Персіи, по пескамъ Африки. Все это можетъ быть отвращено лишь возсозданіемъ Россіи. Тогда, наряду съ англо-саксонскимъ міромъ, образуется міръ славян-

скій, уравновѣшиващій завоевательныя стремленія Германіи. Миръ, непрочный вначалѣ, съ каждымъ днемъ возстановленія силъ Россіи становился бы прочнѣе, ибо Германія не рѣшалась бы его нарушить, Россія же, наученная горькимъ опытомъ, искала бы примѣненія своихъ силъ на поприщѣ развитія своихъ внутреннихъ богатствъ. Міровое равновѣсіе было бы возстановлено, быть можетъ для того, чтобы никогда больше не быть нарушеннымъ.

Логика вещей не оставляетъ иного выхода и заставляетъ признать, что истинно-національныя задачи всѣхъ народовъ требуютъ возстановленія Россіи. Верхніе круги теперь нѣсколько излишне терроризованы господствомъ великороссійскихъ большевиковъ. Но въ широкихъ народныхъ низахъ—революція была воспринята иначе. И если раньше отторженіе отъ Россіи воспринималось какъ освобожденіе народа, то теперь инстинктъ народныхъ массъ подсказываетъ, что созданіе Россіи является истиннымъ народнымъ освобожденіемъ и защитой свободы. Мы видимъ, что финское народное движеніе сперва въ лицѣ «Краснаго Сейма» заняло враждебную къ Россіи позицію, но потомъ проявилось въ унисонъ съ русской стихіей. Демократія Украины, Бѣлоруссіи разстрѣливается на ряду съ русской красной гвардіей. И если интеллигенція, высшіе классы такъ легко поддавались обрусительному процессу и забывали о своемъ происхожденіи при силѣ Россіи, то широкія массы крестьянъ пронесли черезъ всѣ историческія испытанія огонь національной жизни; и теперь эти же массы подхватятъ и возьмутъ въ свои руки идею единства интересовъ всѣхъ частей прежней Россіи, брошенную, забытую, проданную ихъ руководителями. И слѣдуетъ прислушиваться къ голосу массъ. Теперь они переживаютъ болѣзненный процессъ. Но въ предѣлахъ свободной Россіи этотъ процессъ былъ бы изжитъ естественно, не подъ давленіемъ нѣмецкихъ штыковъ, не по проектамъ Мумма и Эйхгорна. Въ напряженіи мысли народныхъ массъ зрѣютъ новыя рѣшенія и создаютъ пути къ дѣйствительному спасенію.

Конечно, однимъ рѣшеніемъ и доброй волей ничто нынѣ создано не можетъ быть. Нужна борьба. Но она не такъ безнадежна, какъ многимъ кажется съ перваго взгляда. Въ Германіи прогрессивная печать неоднократно предостерегающе заявляла, что для нѣмецкаго народа является невыносимой мысль

о возможности возстановленія восточнаго фронта. Тутъ, быть можетъ, не нужно реальныхъ военныхъ дѣйствій, возстаній, партизанской борьбы. Единство политическаго фронта народовъ Россіи, твердая рѣшимость бороться не только за интересы свои частные, но и за интересы всего цѣлаго, естественно связаннаго исторіей—будетъ съ рѣшающей силой давить на усталый нѣмецкій народъ. Даже заявленная за столомъ международнаго мирнаго конгресса единодушная воля народовъ жить вмѣстѣ можетъ склонить колеблющіеся вѣсы исторіи.

И крайне опасенъ путь: сперва полная самостоятельность, а потомъ, смотря по обстоятельствамъ, тѣ или иные союзы. Размежеваніе націй вызоветъ столько болѣзненныхъ ощущеній, разбередитъ столько ранъ, что въ этихъ распряхъ неминуемо погибнетъ идея объ единствѣ интересовъ, для того, чтобы воскреснуть тогда, когда будетъ уже поздно. Нынѣ же надо сознать, что не только интересы Великороссіи, не только судьбы міровой борьбы, но и судьбы всѣхъ народовъ прежней Россіи связаны единымъ узломъ. Народы Россіи вмѣстѣ совершали грандіозную работу соединенія Азіи и Европы. Вмѣстѣ вели борьбу противъ опасности съ Запада. Общая гибель грозитъ имъ въ грядущемъ. И пока еще не поздно, пока имѣется возможность, надо общей высшей цѣлью и задачей поставить:

Возстановленіе Россіи.

Но тутъ во весь ростъ встаетъ вопросъ о Великороссіи. Ей, громадной, многолюдной, прикрытой отъ непосредственнаго воздѣйствія противника грудью поляковъ, украинцевъ, литовцевъ, латышей, армянъ и грузинъ, отданныхъ брестскимъ миромъ въ качествѣ умилостивительной жертвы на растерзаніе врагу, естественно принадлежитъ великая роль организатора борьбы и воплощенія въ жизнь идеи истинной, исторически необходимой Россіи. Ея потенціальные рессурсы колоссальны еще и теперь. Но найдется ли въ ней соотвѣтствующая воля и мысль для претворенія мертвой энергіи въ живую дѣйствующую силу? Если отторгнутые народы смотрятъ на западъ—то это только потому, что не на кого смотрѣть на востокъ. Нынѣшняя власть преслѣдуетъ свои особыя, народамъ непонятныя и чуждыя цѣли, не заботясь о жертвахъ настоящаго дня. Въ перспективѣ—послѣ неумнаго, дикаго соціализма—разгулъ неудержной, черной и еще болѣе глупой реакціи, дыханіе которой уже чувству-

ется всюду. Поистинѣ, не богатый выборъ! Съ запада—онѣмеченіе, съ востока—принудительная соціализація, которая грозитъ смѣниться торжествомъ прежнихъ обрусителей. Увы, если Ленинъ не *хочетъ* создавать Россіи, то тѣ круги, которые связаны съ прежней обрусительной политикой власти, *не смогутъ* ее возсоздать. Никто не станетъ бороться, чтобы изъ огня нѣмецкаго владычества попасть въ прежнее полымя экспериментовъ сотрудниковъ Столыпина; господа Родзянки могутъ не безпокоиться: если въ Великороссіи они еще могутъ играть роль, то въ Россіи они уже мертвые люди: ее имъ не создать. Но исчерпываются ли возможности востока анархіей и реакціей, одинаково безсильными въ современной исторической задачѣ? Окончательно ли убита и разгромлена ея истинная демократія, такъ настоятельно необходимая теперь? Именно теперь, сейчасъ же... Будущее, тѣ «великія начала», которыя заложены въ глубинахъ русскаго духа—въ настоящій моментъ рѣшающей борьбы не имѣютъ никакой цѣны. Нужны мечъ и копье, а не куски необработанной, да еще сомнительной руды... И если было историческимъ преступленіемъ русскихъ общественныхъ силъ, что онѣ не могли поставить предѣла угнетенію власти въ прежнее время—то совершенно непоправимой бѣдой будетъ, если эти силы въ настоящій моментъ окажутся въ нѣтяхъ, или, что еще хуже, если онѣ встанутъ на путь предательства малыхъ народовъ, на путь спасенія одной Великороссіи, цѣной измѣны дѣлу Россіи, на путь «великорусскаго сепаратизма», увы, не менѣе реальнаго и дѣйственнаго, чѣмъ сепаратизмъ окраинныхъ народовъ...

СОДЕРЖАНІЕ.

Складъ изданія:

Петроградъ, книжный магазинъ «ДѢЛО НАРОДА»,
Литейный пр., 41, телеф. 6-89-62.

Москва, книжный магазинъ «ДѢЛО НАРОДА»,
Большая Никитская, 22.

Цѣна 3 руб. 50 коп.